

Всеволод КУКУШКИН

ЛИДЕР

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Человеком, с именем которого связаны наиболее яркие достижения отечественного спорта, был Сергей Павлович Павлов, возглавлявший Спорткомитет СССР в 1968–1983 годах. В основу этой книги легли воспоминания людей, которые лично знали Сергея Павловича и вместе с ним или под его началом создавали триумфальную историю нашего спорта, а также собственные воспоминания и размышления автора.

- [Всеволод Кукушкин](#)

- ☐
- ☐
- ☐ [Школа комсомола](#)
- ☐ [Задача – поднять «На высоту»](#)
- ☐ [Его первая Олимпиада](#)
- ☐ [«Фрукты»](#)
- ☐ [Главные фигуры фигурного катания](#)
- ☐ [Все решают не кадры, а люди](#)
- ☐ [Хоккей – игра партийная](#)
- ☐ [А теперь поднимайте футбол](#)
- ☐ [Московская Олимпиада](#)
- ☐ [От «Комчванства» до «Комхамства»](#)
- ☐ [Друзей много не бывает](#)

Всеволод Кукушкин

Лидер. Сергей Павлович Павлов

© Кукушкин В. В., текст, 2011

© Издательство «Человек», оформление, издание, 2011

* * *

...Руководитель олимпийской команды светился от счастья, словно он сам только что получил золотую награду. У него было на Играх-72 немало счастливых дней, но победа баскетболистов была особенно громкой, особенно ценной. Только статус трибуны, на которой он находился – трибуна почетных гостей и членов МОК, – не позволял ему сбежать вниз, на площадку, и кинуться в кучу-малу игроков, тренеров, журналистов, всех, кто оказался в тот вечер в Мюнхене на финальном матче, когда сборная СССР впервые победила сборную США. Кто-то даже разглядел на глазах Сергея Павлова слезинки...

Совсем недавно наш спорт, спортсмены были всенародной гордостью. Советский Союз доминировал и на летних, и на зимних Олимпийских играх, блестящими были результаты и на чемпионатах мира. И хотя на Олимпиадах нет формального командного зачета, тем не менее все считают количество медалей. На первой Олимпиаде, в которой участвовала сборная СССР, в 1952 году в Хельсинки, у нас были одинаковые показатели со сборной США. Затем мы начали выигрывать, хотя и случилась осечка в 1968 году. После нее до начала девяностых лидер был один – СССР. А вот в девяностые годы начался спад, российская команда уступала свои позиции одну за другой.

Такова человеческая природа, что, столкнувшись с каким-то явлением, особенно негативным, мы пытаемся разобраться, что к чему, начинаем изучать собственную историю. И хотя, как известно, историю творит народ, массы, тем не менее события последних двадцати лет в спорте наталкивают на необходимость оценить роль личности в случившемся.

Личностью, с которой связаны наиболее яркие достижения отечественного спорта – не отделяя Россию от остальных республик, – был Сергей Павлович Павлов. Сегодня люди, причастные к спорту, знающие его историю, считают, что славные

годы советского спортивного триумфа нужно назвать эпохой Сергея Павлова. И вот для того чтобы понять, «что» и «как», нужно спокойно хотя бы попытаться разобраться в том, откуда, собственно, брались результаты, вызывавшие у большинства граждан страны чувство гордости за причастность к ее спорту. Причем эта причастность выражалась в форме личного участия в спортивных программах, а иногда и в форме простого сопереживания усилиям спортсменов, которое называется словосочетанием «болеть за наших».

В основу этой книги легли воспоминания людей, которые лично знали Сергея Павловича, работали вместе с ним или под его началом, вместе – делами и победами – создавали историю нашего спорта, а также собственные воспоминания автора.

Судьбе было угодно так распорядиться, что я встречался с Сергеем Павловичем Павловым в разные годы. Сначала он был лидером комсомола, а я – начинающим журналистом и видел его лишь на трибуне, когда редакция посылала написать отчет о встрече со спортсменами в ЦК ВЛКСМ. А затем в Олимпийской деревне Мехико в 1968 году в корпусе, где размещалась сборная СССР, мы уже общались напрямую. Достаточно было нескольких минут разговора с ним, и ты подпадал под его обаяние. Его идеи о будущем нашего спорта были понятны и близки многим.

На мой взгляд, негоже забывать людей, которые ставили интересы державы выше многих других, в том числе и личных, хотя нынче это вызывает порой недоумение. Но, когда я поделился идеей этой достаточно простой книги, то встретил горячую поддержку и одобрение, прежде всего со стороны великих спортсменов. Это люди далекие от конъюнктуры, далекие от того, чтобы кривить душой.

В работе мне помогали член МОК, Почетный президент Олимпийского комитета России Виталий Смирнов, многократная олимпийская чемпионка по фехтованию, президент Союза спортсменов России Галина Горохова, почетный президент Федерации футбола России Вячеслав Колосков, депутат Госдумы Александр Козловский, выдающийся тренер сборных СССР и России по хоккею Виктор Тихонов, олимпийская чемпионка по прыжкам в воду, журналист Елена Вайцеховская, финансист Павел Павлов, профессор Галина Гагарина, бывший секретарь ЦК комсомола Украины Юрий Ельченко, двукратный олимпийский чемпион, член МОК Валерий Борзов, многократная олимпийская чемпионка, чемпионка мира Людмила Турищева, вице-президент федерации хоккея России Игорь Тузик, многократный олимпийский чемпион по биатлону Александр Тихонов, олимпийский чемпион по прыжкам в воду, вице-президент ОКР

Владимир Васин, бизнесмен Нугзар Паикидзе, начальник департамента Олимпийского комитета России Елена Аникина, финансист Михаил Прохоров и многие другие. Всем им моя глубокая признательность и благодарность.

Полагаю, что ряд моментов и идей, приведенных в книге, у некоторых могут вызвать негативную реакцию. Меня это не смущает. В конце концов все мы обладаем одинаковой степенью свободы. Правда, при этом каждый должен сознавать степень своей ответственности. От чего я и не отказываюсь.

Для оценки того или иного события, деятельности той или иной личности требуется время – чтобы можно было сравнивать, чтобы уйти от давления момента. Даже Нобелевскую премию дают не на следующий день после открытия, которое иной раз «переворачивает» мир.

Умудренный жизненным опытом писатель-юморист Яков Костюковский, автор сценария «Брильянтовой руки» и других фильмов «золотого фонда» нашего кино, повидавший на своем веку немало (во время войны работал в боевой редакции «Комсомольской правды»), узнав, что я собираю материал о Сергее Павловиче Павлове, сказал, что мой герой является фигурой... трагической. Павлов оказался в обстоятельствах, когда не мог в полной мере реализоваться, когда многими его достижениями ловко пользовались другие. Больше того, он, как порой говорят, родился раньше времени – в новых обстоятельствах он мог бы добиться большего. Но это уже из области предположений.

На самом деле у Павлова была своя шкала жизненных ценностей, что необходимо не только для руководителя любого ранга, но и для любого гражданина. Это помогает сохранить себя, формулировать свои личные цели и задачи и сохранить свою внутреннюю целостность. Достаточно сказать, что, обладая орденами высшего достоинства, он больше всего гордился медалью «За победу над Германией», которой был награжден после окончания войны за работу в военном госпитале.

Школа комсомола

...В 1970 году на работу в ЦК ВЛКСМ из тогдашнего Ленинграда приехал молодой человек Александр Козловский. Он, а вернее его документы, прошли все кадровые инстанции, везде было получено одобрение – парень был весьма способный, естественно, прошел он и обязательные собеседования. Словом, в понедельник утром он уже приехал на работу в невысокое серое угловое здание на улице Богдана Хмельницкого, напротив Политехнического музея, а когда настало время обеда, пришел с другими сотрудниками в буфет. За столик к нему подсела женщина и с ходу спросила: ты кто? Откуда? Новенький, что ли?

Рассказал Саша о себе, а опытная дама, хранившая в себе черты комсомольского демократизма того времени, накладывавшего отпечаток на манеру и стиль общения, без обиняков заявила: «Ты приехал не в то время... Вот мы все работали здесь, когда первым секретарем был Павлов. А при Павлове знаешь как было...» При этих словах у нее загорелись глаза, появилась какая-то невероятная энергия...

Так вспоминал свой первый день в ЦК ВЛКСМ Александр Козловский, который затем работал и вместе с Павловым, и уже без него в системе, которую создал Сергей Павлович.

И хотя эта книга посвящена Павлову как руководителю спорта, нельзя забывать, откуда он взялся, с каким багажом пришел в эту особую сферу. А пришел он сформировавшимся политическим деятелем, признанным вожаком молодежи. И тут надо отметить, что он был скорее «самородком», его, по большому счету, не учили быть лидером. При этом он поднялся на иерархическую вершину в молодые годы, что затем стало исключением – все остальные руководители того же комсомола приходили на эти посты «стариками».

Признание у молодежи он получил благодаря особому дару общения, широкому кругозору – главными его увлечениями были литература и музыка. Правда, вернее было бы поставить на первое место в этом перечне слово «работа».

Для комсомольского лидера огромное значение имело умение выступать, «держатъ» аудиторию. Для этого необходим врожденный талант. У Павлова он был, а у многих – увы. Отсюда, кстати, частенько берет свои истоки зависть. И что тут скрывать, у него были завистники. И ведь было чему завидовать – тот же Генеральный секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев любил Павлова, рассчитывал на его помощь в реализации различных проектов и программ. Другое дело, что в какие-то

моменты Павлова «заносило», но когда ему говорили об этом дружья, он не обижался, а умел себя поправить.

Его комсомольская деятельность, особенно яркий ее период пришелся на шестидесятые годы. И именно благодаря участию и поддержке комсомола состоялись такие звезды, как Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Александра Пахмутова. Никто и не отрицает, что многое стало возможным благодаря организаторской поддержке лидера комсомола Сергея Павлова, который в непростых условиях находил новые формы содействия молодым талантам. Кстати, песни той же Пахмутовой не имели поначалу поддержки «наверху», хотя пользовались огромной популярностью у молодежи. И тут был сделан необычный ход – в стране наряду с высшими государственными премиями появилась премия Ленинского комсомола, одним из первых лауреатов которой стала Александра Пахмутова. Это уже потом у нее были премии государственные и прочие.

«Среди людей, оставивших в моей жизни яркий след, на самое почетное место я поставлю Сергея Павловича Павлова, – подчеркнул Виталий Смирнов, почетный президент Олимпийского комитета России. – Природа его невероятно одарила: яркая личность, прирожденный лидер, человек с необычайной харизмой. Он чувствовал настроение аудитории, зала и мог менять изложение своих мыслей, добиваясь того, чтобы его поняли. Он мог убедить, мог увлечь и зажечь слушателей, он буквально фонтанировал идеями».

В шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века, когда Советский Союз был сверхдержавой, его имя было широко известно не только молодежи. В тот период, когда ЦК КПСС взяло на себя функции государственного управления, все прочее оставалось, как говорят киношники-документалисты, за кадром. И в этой системе координат первое лицо ЦК комсомола было в числе первых лиц государства. Но только яркий, талантливый человек мог подняться на такую высоту – шел жесткий отбор, и искусственный, и естественный.

Род Павловых был довольно многочисленным, что неудивительно для провинциальной России. И естественно, насчитывал людей разных профессий, в том числе немало представителей духовенства – это были весьма образованные люди в дореволюционной стране, в большинстве своем понимавшие свою ответственность и умевшие находить общий язык с гражданином любого сословия.

Поначалу можно было ожидать, что Сережа Павлов, следуя семейной традиции, пойдет по музыкальной стезе: отец –

дирижер, мать – пианист-аккомпаниатор. Музыкой он некоторое время занимался, но в итоге у него остались только любовь к ней и восхищение музыкантами и то, что называется музыкальным вкусом. Никто из рассказывавших о нем моих собеседников не помнил его за инструментом. Но, когда в беседе с Галиной Гагариной я заметил, что вот, мол, не пел Павлов, то младшая дочь его друга Юрия Гагарина возразила: он великолепно пел, и вместе с Пахмутовой пел, и под ее аккомпанемент. А любимой у него была ария Мефистофеля из «Фауста», та самая, в которой есть слова «люди гибнут за металл»...

Кстати, в Спорткомитете в семидесятые годы ходила шутка, что гимн для Олимпийского комитета и сочинять не нужно – уже есть, как есть и каноническое исполнение Федора Шаляпина – «Люди гибнут за металл». Не исключая, что кто-то просто прослышал о том, что пел ее Павлов. Тогда, кстати, кому-то в голову пришла идея, что у каждой профессии должен быть свой гимн или, на худой конец, своя песня. Однако от этой идеи быстро отказались, ибо песня об академической гребле у тех же гребцов вызывала хохот.

Юность Павлова пришлась на время войны. Он работал почтальоном в военном госпитале и в 1945 году был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Он родился во Ржеве, там же с отличием закончил техникум механизации и электрификации сельского хозяйства. Красный диплом давал право сразу поступать в институт. Так что, будучи спортсменом-разрядником, он с полным правом отправился в Москву, поступил в институт физкультуры, что было совсем не просто, экзамены у него принимали как у всех, а конкурс был немаленький. На третьем курсе он был уже Ленинским стипендиатом, секретарем комитета комсомола института. Его авторитет признавали прежде всего сокурсники, среди которых было немало ярких личностей, выдающихся спортсменов. А чтобы добиться успехов в спорте, во все времена требуется иметь характер, быть целеустремленным человеком. Но с третьего курса его забрали на работу инструктором в райком комсомола. Тогда за «кадрами» следили, и опытные «кадровики» без всякой модной нынче «охоты за головами» выбирали лучших. Специалисты по подбору кадров были во многих организациях, прежде всего в так называемых «общественных». Достаточно скоро Сергей Павлов был приглашен в горком комсомола, проходя все этапы большой «школы». Нельзя сказать, что его рост был стремительным, скоротечным, он делом доказывал свою состоятельность, и продвижение было естественным.

Павлов был чуть выше среднего роста, но производил на людей такое впечатление, словно он – огромный дядька, чуть ли не гигант. Широкий, просторный, с большими голубыми глазами, излучавшими какой-то мудрый свет. Казалось, что мысль рождалась при тебе, и это было видно по глазам. Говорил он убедительно, речь у него была очень грамотная. На бюро ЦК комсомола собирались все главные редакторы молодежных журналов и газет. Там были и писатель Борис Полевой, и поэт Юрий Воронов, и многие другие. Как можно было разговаривать с ними, не читая их изданий, не будучи в курсе литературных новинок? Так что, к примеру, аксеновские «Апельсины из Марокко» Павлов прочитал одним из первых. Вполне естественно, что много читающий человек, к тому же разносторонне одаренный от природы, обладал прекрасной речью. Грамотной, культурной. И для него не было разницы, перед кем он выступал. Его слушали, разинув рты, и юные спортсмены, и опытные тренеры. И невольно ближайшее окружение начинало его копировать. Виталий Смирнов признался без тени смущения, что порой он непроизвольно говорил интонациями Павлова.

«Я встретился с Павловым в ЦК ВЛКСМ, на слете активистов-комсомольцев Москвы, кажется в 1969 году, нам вручали комсомольские награды, – вспоминал хоккеист Борис Михайлов. – Это было очень приятно – и само вручение награды, и та обстановка, в которой это происходило. И Сергей Павлович по старой памяти приехал на слет, хотя уже возглавлял Спорткомитет, там он и запомнился мне таким молодым, красивым, энергичным. Потом были и другие награды, в том числе и правительственные. Я к ним относился серьезно, с уважением. В стране была очень сильная идеологическая направленность. И молодые люди стремились себя зарекомендовать с лучшей стороны. Для нас комсомольские награды означали, что мы, спортсмены, также причастны к молодежному движению страны. И то, что кого-то награждали за трудовые успехи, а нас – за спортивные, означало, что наше дело нужно стране. Это было всегда приятно и трогательно. Кстати, и Павлов не случайно все-таки пришел в спорт, он больше других с ним соприкасался и лучше других его понимал. ЦК ВЛКСМ занималось воспитанием подрастающего поколения всей страны, а Сергей Павлович сумел лучшее, что было наработано в комсомоле, привнести в спорт. Естественно, мы с ним стали чаще встречаться. Меня поражало его понимание молодых людей, он умел слушать, иногда что-то подсказывал. Но практически никогда не ругал. Может быть потому, что нас не за что было ругать... Накачки с его стороны я никогда не слышал.

Как-то он пригласил нас – хоккеистов и руководство сборной – к себе в кабинет на беседу и, помню, сказал: «На вас смотрит вся страна, вы – лицо нашей страны. Вы нас приучили, что вы всегда первые, так что старайтесь эту планку не опускать».

«У меня военный мундир, на котором висят все награды, которые я получил в разное время. В том числе и награда комсомола, и я всеми ими горжусь, – признался фехтовальщик Марк Ракита, многократный чемпион мира и Олимпийских игр. – Комсомольская награда в то время ценилась весьма высоко, по пустякам ее не давали».

Он был изумительно красивым человеком и к тому же талантливым во всем. Елена Вайцеховская, олимпийская чемпионка по прыжкам в воду, не раз встречавшаяся с ним, призналась, что у Павлова была особая, как сейчас принято говорить, энергетика. «Он мог женщине так подать пальто, что она готова была остаться в его руках», – поделилась своим впечатлением острая на язык знаменитая ныне журналистка.

На самом деле он был коренастым мужичком, улыбчивым, порой во взгляде видна была какая-то хитринка. И еще у него было море обаяния, что притягивало к нему людей, а женщины, глядя на него, порой просто расцветали. К тому же он всегда прекрасно одевался – со временем мог себе это позволить, и следил за собой.

Карьерный рост в комсомоле был у Павлова стремительным – за семь лет прошел путь от инструктора до Первого секретаря ЦК ВЛКСМ. При этом никто не сомневался, что он «неправильно» занимает свой пост, что есть кто-то «сильнее». Его лидерство было бесспорным. Да и время играло ему на руку – шла хрущевская «оттепель» и позволяла реализовывать неординарные, неожиданные проекты. К таким событиям относится Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве, освоение целины (не важно, как к этому относятся иные историки сейчас), создание молодежных журналов и газет, появление тех самых «шестидесятников», «физиков и лириков». Разумеется, полностью перевернуть страну было невозможно, но ветер перемен начинал набирать силу.

Он был удачлив – причем не только в комсомольских делах, – а у таких людей всегда появляются завистники. Но ведь понятно, что удача сама не приходит. Нужно выполнять огромный объем работы, знать обстановку до мельчайших деталей, уметь работать с людьми и, конечно, пробиваться. При этом, выйдя на высокий уровень в государственной иерархии, Павлов понимал свою ответственность при выполнении поставленных задач. Вот это

понимание отличало его на всех этапах жизненного пути.

Павлов искренне считал, что поскольку спортом занимается молодежь, то комсомол должен как бы шефствовать над спортсменами. Поэтому он ездил на Олимпиаду-64 в Токио в составе официальной делегации, жил вместе со спортсменами в Олимпийской деревне. Но уехал оттуда раньше намеченного срока – вызвали в Москву на внеочередной пленум ЦК КПСС, на котором решался вопрос о «культе личности», а на самом деле о снятии Никиты Сергеевича Хрущева с поста фактического руководителя Советского Союза.

По делам комсомола было ясно, что его лидер через некоторое время сможет претендовать на достаточно высокий политический пост в государстве. Но это означало, что кому-то придется «подвинуться». А никому из секретарей ЦК КПСС уходить со своего поста не хотелось. В общем, решать такой вопрос предстояло «идеологам» во главе с Сусловым. А надо заметить, что «серый кардинал» не любил людей ярких, тех, кого называют личностью. Сам он был типичным средним партийным руководителем, но вот какая-то волна однажды его подняла, и он сумел закрепиться на властной высоте.

По своим творческим задаткам, по своему потенциалу комсомольский лидер Павлов обещал вырасти в серьезного политического деятеля страны. Кстати, возможно, его бы и «двинули», но было одно серьезное препятствие – отсутствие законченного высшего образования, которое и сейчас при любом вопросе кадрового перемещения является важным фактором. Есть высшее образование – неважно какое: инженерное или гуманитарное, есть «плюс» и есть возможность для роста. А если нет, то нет...

В те времена мало было быть «самородком», нужно было иметь знания, которые давала высшая школа. В принципе, эти самые знания многим помогали, человек знал, с какой стороны приступить к решению задачи. Талантливым людям – а Павлова я отношу именно к этой категории, на мой взгляд, талант проявляется не обязательно в искусстве или науке, но и в политике, – сильно помогало самообразование.

Комсомольского лидера тогда оставили на своем месте. Разумеется, у него были свои недоброжелатели, были завистники. Но если замена Хрущеву – Леонид Ильич Брежнев – была ясна с самого начала, когда еще только замышлялся пленум, то с заменой Павлова ясности не было. Тот же Брежнев относился к нему с уважением, хотя и не столь «ласково», как его предшественник. Да и не до Павлова было. Тем более что Сергей Павлович ситуацию понял, резких движений не предпринимал.

Близкие друзья остались ему верны – прежде всего два Юрия – Гагарин и Ельченко. Первый космонавт и первый секретарь комсомола Украины.

...В 1967 году сборная СССР по хоккею выиграла чемпионат мира в пятый раз, но победа сопровождалась неприятным инцидентом – в последнем матче перед самым концом произошла большая... драка. Если бы соперниками наших хоккеистов были канадцы, шведы или финны, то никто бы не придавал ей большого значения. Но играли-то против сборной Чехословакии, против «друзей-соперников», а потому встреча носила не просто спортивный характер – ей придавалось и политическое значение. Специалистам-международникам было ясно, что эта страна «кипит», в ней ведется работа по разжиганию, как минимум, неприязни по отношению к СССР. Для нашей сборной результат не имел никакого значения – она была бы «золотой» в любом случае. Сборная же Чехословакии в случае победы становилась серебряным призером. Никто не хотел уступать, и хотя и с дракой, но выиграли советские хоккеисты.

Команду собирались торжественно встречать уже в Шереметьево, но, судя по всему, по указанию из ЦК КПСС все было отменено. И никаких наград, никаких чествований. Естественно, хоккеисты огорчились. Но...

Через несколько дней сборная получила приглашение приехать в полном составе в гости на дачу ЦК ВЛКСМ в Переделкино. На самом деле «дача» была комплексом из нескольких домиков, так сказать, пансионат выходного дня.

«Утром, незадолго до отъезда в Переделкино, у меня дома раздается звонок в дверь, и вносят большой ящик – подарок от ЦК ВЛКСМ, – вспоминал Борис Майоров. – Открыли его, а там большой цветной телевизор. По тем временам это был роскошный подарок. Комсомол отметил наш успех вещественно.

А потом все приехали в Переделкино, где собрались сотрудники ЦК ВЛКСМ, приглашенные артисты, общение шло прекрасно, даже в волейбол вместе играли. Была одна необычная для тех времен вещь – нас пригласили в Переделкино вместе с женами, а кто не был женат, мог приехать с подругой. Позже все переместились на фуршет, и когда все уже стояли у столов, вошли Павлов и Гагарин. Павлов посмотрел на этот фуршет и поинтересовался у кого-то невидимого: а что, стульев не хватает? Через мгновение появились стулья, и встреча перешла в застолье, доставившее всем большое удовольствие».

Имел ли Павлов на это чествование «добро» из ЦК партии или это была его инициатива – осталось неизвестным. Но и порицания, судя по всему, не было. Зато со стороны хоккеистов

уважительное отношение к ЦК ВЛКСМ только закрепилось, осталось оно и после ухода оттуда Павлова. На инициативы комсомола спортсмены откликались без отговорок.

Задача – поднять «На высоту»

В 1968 году в спорте сложилась весьма невеселая ситуация – пошла полоса неудач. Началась она во время зимней Олимпиады в Гренобле, где положение спасли хоккеисты, выигравшие в невероятно сложной турнирной ситуации золотые медали. Тогда и родилось выражение: главное – выиграть хоккей на Олимпиаде, тогда обо всем остальном забудут. Но некоторое время спустя, уже весной, стало ясно, что и на летней Олимпиаде трудно будет рассчитывать на первенство по золотым медалям.

В СССР существовал Союз спортивных обществ и организаций, который возглавлял мягкий по характеру, очень милый человек с техническим образованием – закончил МВТУ – Юрий Дмитриевич Машин. Но управлять спортивными обществами, требовать от них результатов, наконец, жестко руководить ими он не смог. При этом причины были не только в нем, но и в самой системе, в положении физической культуры и спорта в стране. Хозяев было много, а усилия – разрозненными, потому и результатов не было видно. Похожая ситуация сложилась в конце двадцатого – начале двадцать первого века: разгул демократии. Вся власть у федераций, которые требуют от государства денег, а сами ни в чем ни перед кем не отчитываются, и тронуть их никто не может – общественные организации... А тогда существовали спортивные общества, тащившие бюджеты во все стороны и опять-таки практически ни перед кем не отчитывающиеся. От них не требовали результатов на чемпионатах мира или Европы. «Выстрелит» кто-то, ну и хорошо.

Спорт стал частью политического процесса в СССР еще в 1936 году, но особое внимание на него обратили уже после войны, тогда же было принято решение об участии нашей страны в Олимпийских играх. И перед спортсменами СССР была поставлена задача – побеждать.

Летом 1968 года наши спортсмены тренировались на базе в Цахкадзоре, что должно было помочь подготовиться к мексиканской высоте (2200 метров), однако настоящей, сопоставимой с той же американской подготовкой системы не было. В конце июля в Цахкадзоре появился Сергей Павлович Павлов – знаменитый комсомольский «вождь». Держался он скромно, общался со многими спортсменами запросто, поскольку знал их давно. В Москве в это время для него, как и для всех остальных членов делегации, шили официальный костюм.

Назначение Павлова на пост руководителя советского спорта

было для его коллег по комсомольской работе неожиданностью. Об этом вспоминали и Виталий Смирнов, который в то время работал в Пушкинском районе Подмоскovie, и Юрий Ельченко.

Почему столь яркого лидера, в котором были видны черты настоящего государственника, масштабного политика, «бросили» на спорт? Дело в том, что в его адрес в свое время слишком уж одобрительно высказался Никита Сергеевич Хрущев, возглавлявший ЦК КПСС. Получилось так, что кто-то из руководителей с чем-то не справлялся, и Хрущев сказал: «Не можете? Так и скажите, мы поручим это комсомолу, Павлов справится». Никита Сергеевич в силу занимаемого поста, а также темперамента и неводержанности отпускал порой из лучших побуждений такие комплименты, которые приносили человеку в итоге больше вреда, чем пользы. С дальновидностью и продуманностью речей у него было, как говорят, не очень. В конце концов Хрущева «задвинули», правда, обошлись с ним мягче, чем он до того обходился со своими соперниками-однопартийцами. Брежнев ничего против Павлова не имел, но зато «серый кардинал» Михаил Суслов, исполнявший роль великого инквизитора, молодого лидера не любил. Первое предложение «возглавить спорт» Павлов получил летом 1965 года по... телефону – звонил Брежнев. Павлов тактично и обоснованно предложение отклонил, он чувствовал свою силу, и у него были иные планы. Пока строптивому «комсомольцу» это сошло с рук, более того, на съезде КПСС в 1966 году он снова стал членом ЦК, что свидетельствовало о «прочности позиций».

И вот в 1968 году, не исключая, что с подачи того же Брежнева, решили яркого комсомольского лидера «отправить на спорт». И хотя Павлов попытался говорить о необходимости вести подготовку к Фестивалю молодежи и студентов в Софии, Леонид Ильич считал, что спорт пользуется большей популярностью во всем мире и авторитет СССР от успехов на спортивных аренах вырастет даже больше, чем от участия в фестивале. В «справке», которая была на столе у Брежнева, отдельно выделили, что Павлов ушел на работу в комсомоле именно из института физкультуры. Это был весомый аргумент. Но даже спустя много лет, когда успехи Павлова как организатора в мире спорта были общепризнаны, Юрий Ельченко считает, что Сергей Павлович был все-таки прирожденным масштабным политиком, обладавшим огромным внутренним потенциалом – он постоянно развивался, много читал, был в курсе новинок, а в таланте общения и умении слушать не знал себе равных.

Но серые кардиналы всегда предпочитали выдвигать слабеньких, на них легче влиять, ими легче управлять, они

удобные, с ними проще договориться. Так что оставался один вариант – сильного человека нужно перебросить на какой-то «завальный» участок. А Павлов был человеком с внутренним стержнем, свою позицию – если он был в ней уверен – отстаивал до конца, и «договориться» с ним было невозможно. В бытность Первым секретарем ЦК ВЛКСМ он по должности был участником пленумов ЦК КПСС. И порой, чувствуя поддержку Хрущева, позволял себе резкие, можно сказать, невоздержанные высказывания в адрес тогдашних крупных государственных деятелей, некоторых министров. По существу, критикуя министров за то, что молодежь, отправившаяся на ударные стройки, не получает помощи в организации быта, условий жизни, он был прав. Но подобная критика на такого рода «собраниях» не забывается. Кстати, по воспоминаниям Виталия Смирнова, который стал ему близким соратником, Павлов признавался, что ему иногда просто стыдно было вспоминать свои молодежные эскапады, он краснел за поступки, которые когда-то себе позволял.

В разные годы спортом в СССР руководили часто выходцы из комсомола. Так, в 1945 году Николай Романов пришел с поста второго секретаря ЦК ВЛКСМ, Машин – с поста первого секретаря московского горкома комсомола. Романов был сильным человеком, в общем, он закладывал основы спорта высших достижений. Сама по себе советская спортивная система постоянно совершенствовалась, причем на новую высоту выходила именно при ярких, сильных лидерах.

Назначение Павлова сопровождалось важным документом, подписанным в октябре 1968 года Брежневым и Косыгиным. В целях улучшения руководства физической культурой и спортом в стране был образован союзно-республиканский Комитет при Совете министров СССР. Это означало, что Павлов будет руководить не общественной организацией с неясным статусом, а получает фактически ранг министра.

Можно сказать, что не Павлов начал формировать систему, но он ее реализовал. Благодаря своему жизненному опыту, быстро разобрался в этой сфере и разглядел свою основную «линию». Однажды, еще в конце 1968 года, на коллегии Комитета он сказал: «Нам никто не позволит проигрывать следующую Олимпиаду». Разумеется, он знал о «пирамиде Кубертена» – чтобы появился один чемпион, нужны сотни тех, кто будут рядом, и т. д. Павлов был убежден в другом – нужна массовая физкультура, нужен юношеский спорт как «поставщик» талантов, но чемпионов следует готовить по специальной программе. Кому-то это не понравилось, и стали Сергея Павловича упрекать, что он делает

упор на подготовку «сборников». А он был убежден, что средства надо тратить не на «липовых зачетников» искусственно придуманных соревнований, а на юных и на настоящих чемпионов. Конечно, и его можно было переубедить, но только когда дело касалось не слишком важных и принципиальных вопросов.

Некоторые, даже из ближайшего окружения, считали его назначение на спорт своего рода «ссылкой», понижением. Может быть, Павлов и пережил поначалу какие-то неприятные моменты, но быстро вошел в роль спортивного лидера и чувствовал себя абсолютно нормально. Он считал спорт чистой сферой и видел свою задачу в том, чтобы «поднять его на государственный уровень». При этом отдельные лихие идеологи шестидесятых настаивали, что многие функции государства по мере приближения к коммунизму будут отмирать, а потому спорт должен развиваться исключительно на общественных началах. К чему это приводит, мы узнали в полной мере в нынешнем веке.

Его первая Олимпиада

В Мехико осенью 1968 года он приехал как руководитель олимпийской делегации. Кто был тогда руководителем или председателем Олимпийского комитета СССР, почти никто не знал. Да и по своему численному составу аппарат этой общественной организации насчитывал меньше десятка человек. От нее практически ничего не зависело. Сборные команды формировали отделы и управления Союза спортивных обществ, Олимпийский комитет ставил только штамп и подписи секретаря и председателя на олимпийских удостоверениях.

Советский спорт держался на трех «китах» – армейском спорте, динамовском и профсоюзном. Армейцам и динамовцам были присущи порядок, дисциплина, в профсоюзах было больше вольности, но и результаты оказывались ниже. При этом профсоюзные руководители в большинстве своем были «любителями», большими болельщиками. Многие молодые спортсмены склонялись к тому, чтобы «сдаться в армию». Это сулило неплохое будущее, обеспеченность, словом, имело немало плюсов. Спорткомитет относился к армейскому и динамовскому спорту с уважением, с ними было легче работать по многим причинам, начиная с «бюрократии», без которой не получается организованности.

«Как я стал военнослужащим – это особая история, которая показывает, что отношение к спортсменам в армии было весьма благожелательным, – рассказывал Марк Ракита. – Мы чувствовали, что нужны державе, по отношению к нам высоких руководителей, которые должны были радеть за страну... Олимпийским чемпионом я стал с «белым билетом», как не годный к службе в вооруженных силах ни в военное, ни в мирное время. А армия сулила немало преимуществ. И вот после токийской Олимпиады в 1964 году был прием у министра обороны – Родиона Яковлевича Малиновского, выдающегося маршала и яркого человека. Набрался я смелости, подошел к нему и от имени нас с Умаром Мавлихановым обратился к маршалу: так, мол, и так, хотим служить в кадрах. Родион Яковлевич, сидевший в кресле, повел огромными – куда там Брежневым! – бровями и обратился к своему заместителю – Андрею Антоновичу Гречко, который потрясаясь относился к спорту, считая, что армия должна быть сильной в буквальном смысле этого слова. Малиновский только сказал: Андрей Антонович, надо ребят взять. Тот, как и положено в армии: слушаюсь, товарищ маршал. И так далее по всей цепочке сверху

вниз – везде ответ один – слушаюсь! С Мавлихановым все было просто – он до этого три года уже отслужил, а у меня – белый билет. Но чем могуча наша армия – нет для нее безвыходных ситуаций ни в бою, ни в столкновении с бюрократической машиной. Да, по медицинским параметрам я служить не мог на действительной службе. Но сверхсрочником мог. И мне присвоили звание младшего сержанта сверхсрочной службы. Потом закончил курсы офицеров запаса и стал младшим лейтенантом. Так что при последующих встречах с Гречко я был в офицерской форме на полных основаниях».

Одна из причин, по которой спортсмены любили Павлова, была в том, что он искренне переживал за все, что происходит, и никогда не снимал с себя ответственности. А жизнь руководителя тех времен была отнюдь не сладкой. Какие у него случались неприятности, переживания, как ему доставалось, спортсмены не видели и не знали, да и не их это дело. Но вот что они точно знали, так это то, что председатель готов их понять, войти в положение и, если нужно, помочь.

У фигуриста Юрия Овчинникова сложилась ситуация, которую разрешить мог только председатель Спорткомитета. Нежданно-негаданно Юрий стал, как тогда говорили, невыездным. Это означало, что он не может выезжать за границу. Решение, на основании информации из КГБ, тогда принимал «выездной отдел» ЦК КПСС. А суть дела заключалась в том, что близкий друг Овчинникова, выдающийся солист балета Михаил Барышников, остался «на Западе». Не было в этом никакой политической подоплеки, просто в какой-то момент выдающийся танцовщик понял, что благодаря своему таланту, благодаря уровню мастерства он стал «человеком планеты», другими словами, он должен обладать, прежде всего, свободой перемещения. А раз Барышников пришел к такому решению, то, того и гляди, Овчинников, один из ведущих фигуристов мира, тоже решит остаться.

Правда, в тот момент Юрий сам уже не выступал, он был тренером другого великолепного фигуриста – Андрея Букина. Кстати, на один из важных стартов Юрий так и не смог выехать. А для фигуриста, в том числе и для тренера, особенно такого уровня, класса, остаться без соревнований – все равно что ногу потерять.

Спортсмен пришел со своей бедой к Павлову, обстоятельно все обсудили, и Сергей Павлович, как тогда говорили, «положил свой партбилет на стол» – вот, ручаюсь за человека. Судьба Овчинникова была решена, «выезд» ему открыли, и он прекрасно

работал, на всю жизнь сохранив уважение к чиновнику, обладавшему высокими человеческими качествами.

Перед Олимпиадой-68 Павлов не вводил коренных изменений, ему нужно было приглядеться. Правда, несколько человек из ЦК ВЛКСМ на Олимпиаду поехали в составе делегации, их неплохо знали, поскольку отдел спортивной и оборонно-массовой работы ЦК ВЛКСМ был в контакте с Союзом спортивных обществ. Из необычных для спортсменов гостей были лишь Александра Пахмутова, Николай Добронравов, Роберт Рождественский и певец Лев Барашков. Может быть, «артисты» иногда и собирались за столом, в том числе и с руководством, но это не вызывало никаких разговоров ни среди спортсменов, ни у журналистов. «Олигархов» тогда не было, валютные запасы были лимитированы, а потому до великих застолий дело не доходило. «Бригада гостей» была ориентирована на то, чтобы помогать спортсменам, общаться прежде всего с ними. Кстати, женская часть сборной буквально обожала Пахмутову.

«Пахмутова приходила к нам на тренировки, и мы считали ее членом нашей команды, – вспоминала выдающаяся гимнастка Людмила Турищева. – Гимнастки завершали Олимпиаду, и, естественно, вернувшись в Олимпийскую деревню, уснуть мы не могли. И вот около пяти утра к нам приходит Александра Николаевна, говорит: я знаю, вы все равно не спите, хочу вам сыграть. Так мы стали и первыми слушателями, и первыми исполнителями песни о мексиканской Олимпиаде».

В мужском корпусе Олимпийской деревни был клуб нашей делегации (по правилам МОК мужчинам вход в женскую деревню был категорически запрещен, а наоборот – можно), и девушки, которых тянуло к Пахмутовой – она обладала особым обаянием, – стали завсегдатаем музыкальных вечеров. Это как-то успокаивало, позволяло расслабиться, почувствовать чуточку родины, находившейся и за морями, и за горами.

Поэтам было дано задание: готовить к утренним чествованиям чемпионов – был введен такой ритуал, встреченный с энтузиазмом, – стихи. На этих чествованиях победителям, помимо значков «Заслуженный мастер спорта», вручали расшитые золотыми, серебряными и бронзовыми нитями черные сомбреро.

Потом о деталях одной из утренних церемоний мне рассказывал двукратный олимпийский чемпион в гребле на двойке парной, выдающийся спортсмен и тренер Александр Тимошинин.

«Приехали мы на Игры в Мехико за сорок пять дней до старта, считалось, что это позволит пройти полную

акклиматизацию и на высоте (Мехико расположен на 2200 метров), и по времени – разница с Москвой была десять часов. Утром, как обычно, построение команды, потом – зарядка. А меня мой ведущий, Анатолий Сасс – он был на тринадцать лет старше, спрашивает: «Молодой, талоны на завтрак взял? Взял. Тогда пошли, на зарядку не остаемся». Рядом с нами стоял какой-то мужичок, увидел он, что все пошли бегать, а мы в столовую, и спрашивает нашего тренера, Евгения Борисовича Самсонова: «А почему они на зарядку не пошли?» Но тренер объяснил, что мы готовимся по индивидуальному плану. Прошло несколько дней. После утренней тренировки и обеда сидим мы с Сассом в комнате и играем в карты – в бб. Я с тех пор карты терпеть не могу, а особенно эти самые бб. Открывается дверь, и опять тот же мужичок, а с ним Самсонов. Не успел наш тренер рот открыть, а Фомич (Сасс. – В. К.) ему: «А пошел ты... закрой дверь с той стороны...» Потом на канале Сочимилко после тренировки Фомич мне говорит: «Молодой, бери велосипед, пойдем покатаемся». И опять этот мужичок – вы, мол, грести сюда приехали, а Сасс ему: «Тебе что, не ясно было в прошлый раз сказано, пошел отсюда...» Выиграли мы тогда золотые медали каким-то нечеловеческим рывком на финише. На следующее утро у нас, в, так сказать, мини-русском доме, было награждение. Сначала Добронравов или Рождественский читали стихи, потом председатель вручал значки Заслуженных мастеров спорта и сомбреро. И вот, уже вручив «золотые» сомбреро, Павлов нам говорит: на зарядку не ходят, в карты играют, руководство посылают, но, что самое главное, золото выиграли... Может быть, так и надо?»

Через четыре года, на олимпийском канале в Мюнхене, новая встреча с председателем. Теперь Тимошинин должен был выступать вместе с Геннадием Коршиковым. За сорок пять минут до старта они вышли с лодкой из эллинга, и все спортсмены знали: лучше к ним не подходить, у них шел процесс внутренней концентрации. И надо же – по берегу канала идут Павлов со Смирновым. Председатель не сразу понял ситуацию и сунулся к ним – как, мол? «Да выиграем мы, только отстань», – огрызнулся Тимошинин. Павлов быстро пошел на трибуну, поняв, что сунулся не вовремя.

На следующее утро опять церемония награждения, и теперь вчерашняя ситуация была обращена в шутку: «Вот Тимошинин, единственный, кто меня не обманул, человек слова – сказал: выиграем, и выиграли».

Кстати, Павлов очень хорошо относился к академической гребле, видел ее перспективы, следил за строительством тренировочных баз по обоим видам гребли – и академической, и

на байдарках и каное. При этом базы строились по всей стране – в Литве, в Азербайджане, в Молдавии. Тогда не думали о том, кому они достанутся через два-три десятка лет. Базы получали в название слово «общесоюзная», хотя, естественно, имели и республиканское подчинение.

По своей атмосфере веселья, праздника Олимпиада-68 осталась в памяти многих лучшей. Вот только результаты некоторых наших спортсменов оказались огорчительными. Хотя были и выдающиеся достижения, были открытия, достижения ветеранов. Словом, много того, что требовало обобщения, анализа. Система советского спорта существовала, она отличалась от американской, они конкурировали. В 1968 году американская система оказалась лучше, о чем свидетельствовали результаты. Павлову нужно было что-то делать. И вот его поставили во главе системы. И от него требовалось одно – результат. Тут-то на помощь пришел опыт работы в комсомоле. Связей у него было множество, причем многие бывшие комсомольские работники занимали уже руководящие посты в республиках, и Павлов мог рассчитывать на их поддержку. Но и о недоброжелателях не следовало забывать, среди которых был председатель ВЦСПС Виктор Гришин. Их отношения особенно обострились в период зарождения знаменитого в то время движения бригад коммунистического труда. Инициатива шла от комсомола, а профсоюзные боссы, поняв, что дело невероятно перспективное и сулит немало дивидендов, в том числе и в карьерном плане, стали тянуть его на себя.

Увлечение хоккеем было общим у «комсомольцев» и «космонавтов». Капитанами команд были Ю. Гагарин и С. Павлов.

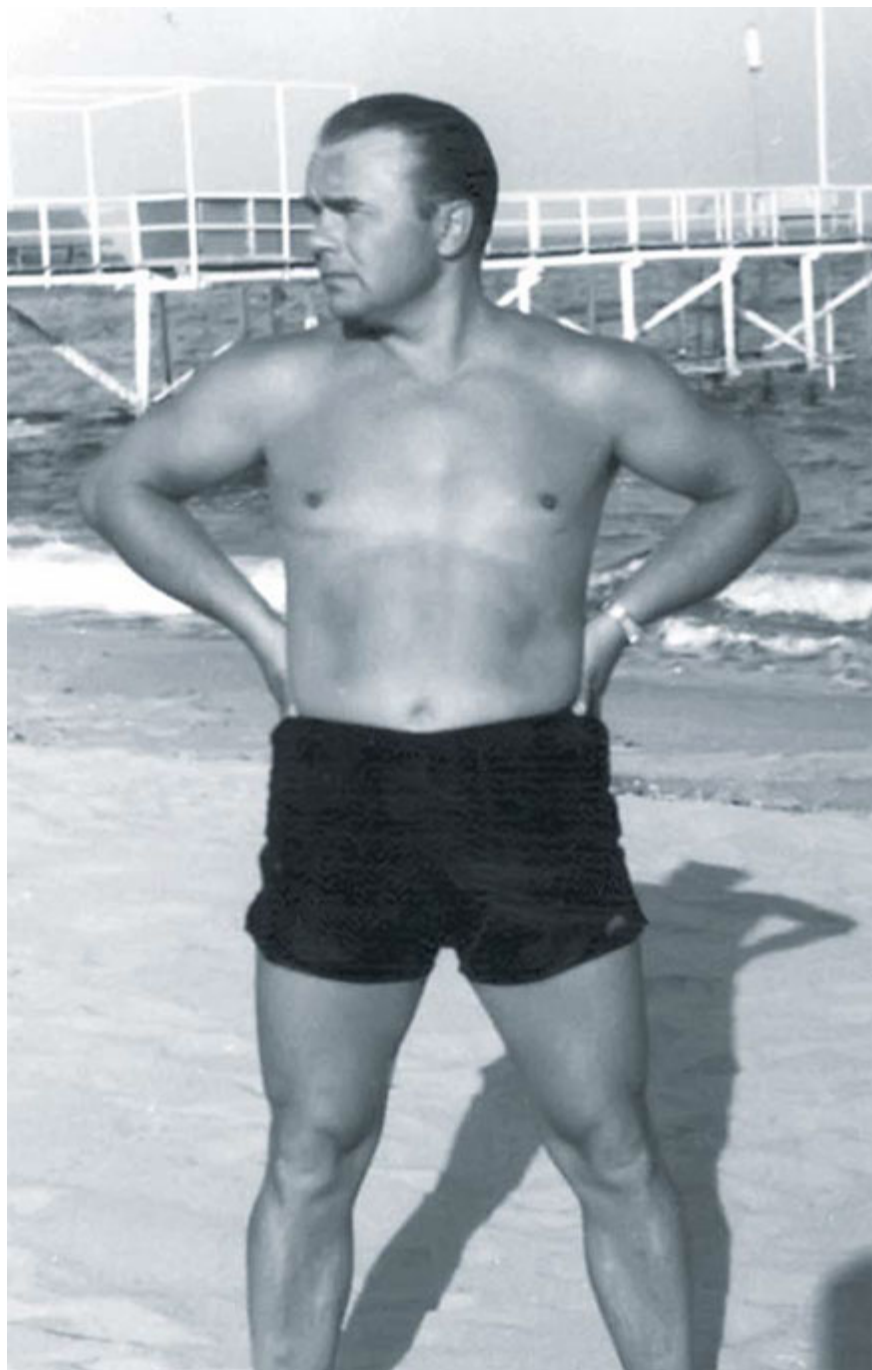

Положение комсомольского лидера ко многому обязывало.

Выступать Павлов умел перед любой аудиторией.

И с годами хотя и «окреп», но форму не терял.

Первая заповедь лидера – быть внимательным ко всем.

Сергей Павлов дружил с космонавтами, и они были близки к комсомолу.

С. М. Шолоховым разговаривать было интересно и поучительно.

Встреча с армейским комсомольским активом.

Встреча с Фиделем Кастро.

Певец Николай Гуляев, певица Майя Кристалинская, юная комсомолка Валентина Матвиенко – они были дружны по жизни.

Сейчас можно сказать, что лучшие песни А. Пахмутовой были написаны «по заказу» души. Часто «заказывал» С. Павлов.

Павловы – большая семья.

Самый близкий человек – мама.

С супругой.

С сыном Павлом.

Ноябрь – месяц «парадный».

На первом съезде бригад коммунистического труда, который проходил в Кремле, дело дошло до «расталкивания локтями». Разумеется, в переносном смысле. Гришин имел более крепкие связи в партийных кругах, а таких недоброжелателей, как у

Павлова, у него не было.

В Олимпийской деревне Мехико, а надо сказать, что Павлов, как и все руководство делегации, жил в одном корпусе со спортсменами и столовался вместе со всеми, каждый день руководитель делегации встречался со своими коллегами из разных стран. В принципе, он понимал, что отношения с другими странами должны налаживаться, в неизбежности этого он уверился, когда в Москве проходил Фестиваль молодежи и студентов, после которого было еще несколько подобных встреч в других странах. Но поднимать «железный занавес», который держали с одинаковым усердием с обеих сторон, ему было не по силам. А вот в спорте – другое дело. В Мехико он пришел к выводу, что международные отношения в спорте обязательно надо поднимать на новый уровень. Но на это требовалось время, а ему срочно нужно было решать главную задачу: выигрывать, добиваться успехов на чемпионатах мира и Европы. Тем более что его приход в спорт сопровождался шепотком – пусть, мол, комсомольцы покажут, на что они способны. При этом «конкуренцию» составлял центральный Совет ДСО профсоюзов, который курировал тогдашний глава ВЦСПС Виктор Гришин.

«Павлов был очень интересным человеком, хотя и нельзя сказать, что он был для нас как бог, – вспоминал Марк Ракита. – Расстроен он, или встревожен, или в гневе, понять можно было. Но он умел вести себя достойно. Случались, конечно, ситуации, когда лучше было ему не попадаться на глаза, но он не был злопамятным человеком. Скорее – отходчивым. Все прощалось, кроме предательства... Это был человек очень серьезной аналитики, видимо, этому раньше учили лучше, чем сегодня. Как руководитель он мне очень нравился и до сих пор нравится. И равного ему я пока не вижу».

Павлов считал спорт делом молодежным и сам держался орлом. У него душа была открытая, он любил жизнь, умел общаться с женщинами. «Никогда не забуду, пришел Павлов в Комитет, посмотрел на наших женщин и поинтересовался: а почему они все закованы в юбки до пят? – вспоминал с улыбкой Александр Тимошинин. – Все-таки женщины любят себя показать, а тут... На следующий день все пришли в мини. Они у них были для нормальной жизни, а когда стало ясно, что можно ходить в них и на работу, так все вздохнули». Другое дело, что на заседание коллегии все мужчины должны были приходиться в костюмах и при галстуках, нарушителю могли и замечание сделать.

Первый вывод, который сделал Павлов, – нужно создавать четкую вертикаль управления в спорте. Как уже говорилось,

Павлов прекрасно знал знаменитую «пирамиду Кубертена», суть которой состоит в том, что для воспитания «звезды» – чемпиона, нужно иметь десяток тех, кто близки к нему по своим результатам, а для того чтобы была эта «десятка», нужно иметь сотню близких к ним спортсменов. Словом, необходима «пирамида», а основание ее называется «массовостью». Федерации по видам, конечно, нужны, но они должны заниматься пропагандой спорта, развитием, массовым спортом, так сказать, «горизонталью». А сборными командами, спортом высших достижений должны заниматься отделы и управления Спорткомитета, с которых спрос был, как говорят, по полной. Анархия абсолютно исключалась, а слова «демократические перемены» никому и на ум не приходили. Всем хотелось видеть успехи советского спорта, видеть победы. Павлов поставил, прежде всего, перед собой задачу поднять спорт высших достижений на тот уровень, который соответствовал бы статусу великой державы.

«У нас было особое психологическое состояние, – вспоминала Турищева. – И на чемпионатах мира, и на Олимпийских играх, и на всяких международных соревнованиях спортсмены сборных команд ходили с гордо поднятой головой, с развернутыми плечами, как представители великой державы».

Это была идеологическая задача. После окончания войны понятие патриотизма было на высоте, а успехи в спорте приравнивались чуть ли не к достижениям в космосе, в балете. Не случайно в ироничной песенке были слова: «Зато мы делаем ракеты, перекрываем Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей». После успехов сборной хоккеистов вместо слова «балета» иногда пели – «хоккея».

Но ведь было: то физики в почете, то лирики в загоне. А где были спортсмены?

«Мне бы очень хотелось, чтобы сейчас спортсмены были там, где они были тогда, – сказал Марк Ракита. – А суть в том, что подход государства к спортсменам был не просто серьезный, но и творческий. Государство ведь стремится использовать своих граждан с максимальной отдачей. Скорее всего, конечно, это была партийная установка – спорт является одним из средств идеологического доказательства полноценности и самостоятельности нашей страны. И поэтому страна гордилась своими спортивными героями... Первой газетой, которую читали все – от дворника до министра, – был «Советский спорт». Но там было что читать, там писали хорошие журналисты не только о соревнованиях, но и о людях, о спортсменах, о тренерах».

Тогда существовало такое понятие – «общественные

нагрузки». Для спортсменов это были, прежде всего, встречи с людьми по всей стране. Формировались специальные группы, и их отправляли на встречи с молодыми учеными, музыкантами, колхозниками, рабочими. Спорт был в большом почете, а потому такие встречи вызывали большой интерес.

«Помните мультфильм про Крокодила Гену и его друзей? – с улыбкой сказала Людмила Турищева. – Так вот там старуха Шапокляк говорит: «Хорошими делами прославиться нельзя». Над этим можно улыбнуться. Но мы-то как раз старались делать хорошие дела. Вначале общаться с людьми было трудно, нас ведь этому не учили, но постепенно осваивались. В результате через несколько лет я приобретала такую сумму знаний, что мне можно было поручать многое и я была готова к серьезной работе. Кстати, позже так и произошло».

В основном спортсмены брали шефство над какими-то коллективами, и коллективы в ответ брали шефство над спортсменами. Это требовало активности с обеих сторон. И ведь всем было интересно такое общение. Звезд мирового спорта видели и на БАМе, и на стройке КАМАЗа. У людей была потребность общаться, узнать для себя что-то новое, услышать, как достигаются результаты, какими усилиями.

Однажды я беседовал с Александром Мальцевым и помню, как Александр – не самый многословный человек среди хоккеистов, но, безусловно, одна из самых ярких звезд мирового хоккея – с восхищением рассказывал о поездке на БАМ, куда он был послан вместе с Харламовым и Борзовым. Разумеется, он был поражен величием тайги, но еще больше – «работягами», которые шли через нее.

«При Павлове слово «патриотизм» в разговорах со спортсменами вслух обычно не произносилось, – рассказывал Борис Михайлов. – Но оно, как говорят, висело в воздухе. Сказать о себе, что вот, мол, я – патриот, было не принято. Я должен свое профессиональное дело делать так, чтобы другие обо мне сказали: да, Михайлов – патриот и доказывает это делами. А о себе говорить – не мое право. Вот болельщики, народ, они имеют право судить, патриот я или нет».

Но было и то, о чем не писали в газетах.

«И в Мюнхене, и в Монреале на стадионе было много полиции, которая должна была обеспечивать безопасность как раз во время моего финального забега, – вспоминал Валерий Борзов. – В Мюнхене просто предполагались какие-то действия, а в Монреале была информация, что на стадионе расположился снайпер, который будет стрелять в меня во время финала. На всякий случай начали меня охранять с предварительных забегов,

финал стометровки задержали на сорок минут, пока военные располагались на арене. Пробежал я свою сотню, хотя и с травмой, но все-таки попал в призеры. После финиша меня окружили шестеро здоровенных ребят с оружием наизготовку, довели до специального автобуса, отвезли в Олимпийскую деревню и сдали там нашему офицеру безопасности. Мы с ним дружили всю Олимпиаду, он мне здорово помог... Не знаю, были умысел именно стрелять, но подпортить мне эмоциональное состояние кому-то хотелось. Выбить главного соперника из колеи всегда кому-то хочется... Причем не обязательно спортсменам, всегда находятся «доброжелатели»... Я человек уравновешенный, такова особенность моей натуры. По знаку я – весы, всегда терпелив и внешне спокоен. Это всегда волновало моих оппонентов больше, чем какой-то резкий ответ на их действия. Этим своим качеством я пользовался и в спорте. Если помните, перед стартом у меня на лице не было никаких эмоций. Я считал, что неизвестность больше волнует, чем любая конкретная информация. Соперников я убивал безразличием к ним».

Павлов сумел добиться решения правительства – а оно было невозможно без решения ЦК КПСС, – согласно которому на Спорткомитет была возложена задача разработки и проведения в жизнь политики в области развития массовой физической культуры и спорта, в том числе и спорта высших достижений. Спорткомитет определял политику международного спортивного календаря, а это означало, что все выезды не только атлетов, но и руководителей всех рангов шли через эту организацию. Так и получилось, что Спорткомитет стал главной организацией.

За четыре года между Олимпиадами Спорткомитету нужно было горы своротить. И одним из главных направлений стало спортивное строительство. Мыслили тогда в масштабах всего Союза, а потому и планировалось освоение в широком масштабе – в Латвии строилась санно-бобслейная трасса, на которой тренировались парни из всех республик, Цахкадзор в Армении был общим достоянием как место подготовки в условиях среднегорья, гребные базы были в Литве, в Азербайджане, яхтсмены готовились в Севастополе и в Прибалтике, биатлонисты на первый снег ездили на Северный Урал, а лыжники обожали эстонский Отепя, в белорусских Раубичах построили биатлонный комплекс – один из лучших в мире. Спортивное строительство шло высокими темпами. При Павлове достаточно большие деньги на спорт тратились профессионально. Он умел убедить, что спорт требует материальных вложений и тогда будут результаты. И оперировал он масштабами всего Союза.

Еще одна проблема, которую нужно было срочно решать, – медицинское обеспечение спорта высших достижений. И в этой области подъем произошел как раз с приходом Павлова. К работе подключились институты медико-биологических проблем, Институт космической медицины. Особая роль придавалась ЦИТО, где вела спортивное направление выдающийся хирург Зоя Миронова. Стали создаваться комплексные научные группы, в которые входили, прежде всего, биохимики, врачи, массажисты и медсестры.

Для циклических видов спорта требовались восстановители. И довольно скоро у нас появились спортивные напитки, изготовленные на натуральных соках, на экстрактах ягод, богатых витамином С. Появились и таблетки, которые надо было принимать после тренировок. При Павлове анаболические стероиды в советском спорте не применялись. Сейчас одни говорят, что они у нас не выпускались, другие считают, что их попросту боялись. Правда, было несколько случаев, когда некоторые наши спортсмены попадались на использовании псевдоэфедрина. Он тогда считался стимулятором, но у нас были случаи, когда при насморке спортсмены самостоятельно капали в нос привычные капли, которые привезли с собой из Москвы. А они содержали тот самый эфедрин. Но наказывали за это врачей – должны контролировать своих подопечных.

Большое внимание уделялось тогда развитию спорта в профессиональных училищах, которые когда-то назывались «ремесленными». По инициативе Павлова стали создаваться спортплощадки, ставились, если можно так сказать, «антивандальные» тренажеры. Ребятам просто элементарно не хватало культуры, им нужно было занятие, приложение сил. А ребята там были физически сильные, общество «Трудовые резервы» поставляло очень сильных боксеров, борцов, штангистов. Да и студенческий спорт был на ином уровне. При институтах были и стадионы, и полноценные, полноразмерные залы.

В Советском Союзе в сборных командах не обращали внимания на то, кто откуда, из какой республики, из какого края. Тогда перед Комитетом стояла задача поднимать все республики, большое внимание уделялось Средней Азии. Для этого командировали, в первую очередь, тренеров, чтобы они делились своим опытом с местными наставниками. В результате довольно скоро в сборных страны начали появляться новые имена.

Были разработаны нормативы – сколько на душу населения должно быть бассейнов, сколько плоскостных площадок, сколько катков, сколько беговых дорожек, сколько километров лыжни. И

ведь это работало!..

Естественно, встал вопрос о необходимости производства своего спортивного инвентаря. Для сборных команд приобреталось лучшее оборудование, отношения с немецким «Адидасом» позволяли экипировать все команды. Нередко после соревнований в страну привозили то борцовский ковер, то поролоновые маты для прыжковых ям, а что говорить о фибerglassовых шестах...

Павлов понимал, что иной раз ему надо подключаться, и тогда в ход шла «вертушка» – телефон правительственной связи. Так он решил вопрос о предоставлении гребцам возможности тренироваться на базе в Аксаково, которая принадлежала МГК ВЛКСМ. Через «Судоимпорт» закупались катера для тренеров яхтсменов и гребцов, для самих спортсменов – самые лучшие швейцарские лодки. И кстати, детей учили на первоклассном инвентаре. И ведь все это давало результаты.

Однажды легкоатлеты попросили приобрести планки для прыжков в высоту. Эти планки должны соответствовать определенным параметрам, не слишком прогибаться и т. д. Они изготавливалась из какого-то алюминиевого сплава, который был «стратегическим» материалом. В общем, Павлов затребовал все данные по этой «ерунде» и, вооруженный детальной информацией, взялся за телефон, чтобы переговорить с соответствующим министром. Договорились. После этого планок было выпущено столько, чтобы хватило не только на соревнования, но и на тренировочные сборы, на отправку, как тогда говорили, на места. Начал действовать Главспортпром.

Летом 1969 года в Лос-Анджелесе состоялся тройственный матч по легкой атлетике – США, СССР и Британское содружество наций. То, что его выиграют американцы, было ясно заранее, вопрос только, с каким разрывом в очках, и нашим специалистам надо было увидеть, есть ли у нас перспективная молодежь, сможем ли мы вытянуть своих спортсменов на мировой уровень за три года, остававшиеся до мюнхенской Олимпиады. Оказалось, что надежды есть, но и пробелы обнажились четче. Еще один важный момент – наша команда наконец поехала в США. За два года до этого по указанию из «большого дома» спортсмены «отказались» лететь на матч в знак протеста против американских бомбардировок в Тонкинском заливе во Вьетнаме.

Лозунг «догнать и перегнать Америку», выдвинутый во времена Хрущева, был достаточно быстро убран подальше. Специалисты понимали, что все это отдает традиционной кампанейщиной, ничем не подкрепленным авантюризмом. Американцы иногда в шутку спрашивали: а куда девался этот,

который говорил: «Мы вас закопаем»? Однако Советский Союз был великой державой, и было немало областей, в которых он находился впереди тех же американцев. Но для пропаганды требовались успехи видимые, которые понятны всем. Бесспорно, открытия химиков или физиков имели огромное значение в мировом масштабе, но победа на той же стометровке была понятнее для миллионов, в число которых входили и физики, и химики, и писатели, и рабочие. Так что требовалось в спорте «догнать и перегнать». Но это было возможно при выполнении нескольких условий. Прежде всего было необходимо создать хотя бы приблизительно такие же условия для подготовки атлетов.

Кстати, во время этого матча состоялись переговоры с американскими производителями инвентаря, и в самолет на Москву погрузили те самые фибerglassовые шесты-катапульты, которые позволяли делать прыжки за пять метров, что с обычным инвентарем – еще не так давно наши прыгуны пользовались бамбуковыми и сменившими их дюралевыми шестами – было даже теоретически невозможно.

...Бокс всегда пользовался в стране популярностью, чемпионат страны собирал полные залы, да и звезды были первой величины. Американский бокс для нас ассоциировался с именами прежде всего великих абсолютных чемпионов, любители спорта знали имена и Джека Демпси, и Джо Луиса. А Мохаммед Али почти не сходил со страниц наших спортивных изданий. То он был феноменальным боксером, что соответствовало истине, то борцом за равные права темнокожих американцев, то чуть ли не борцом за мир. И на Олимпиаде в Мехико сборная США выглядела вполне прилично. Но потягаться с американцами силами нашим было в самый раз.

Советскую школу бокса отличала самобытность на уровне школ разных республик и регионов. В результате в сборной боксеры отличались манерой ведения боя, что весьма озадачивало тренеров из других стран. Бокс, можно сказать, относился к массовым видам спорта и получал должное внимание со стороны руководства. Существовали и ДЮСШ, и Школы олимпийского резерва, а проблемами спорта занимались различные НИИ, которые оказывали заметную помощь спорту и черпали важные материалы, находившие применение в медицине. Многие разработки в тяжелой атлетике находили свое применение в авиационной медицине. Так, например, штангисты «моделировали» перегрузки, которые испытывал летчик при... катапультировании. Да и космонавты на старте тоже в чем-то были схожи с тяжелоатлетами.

После Олимпиады 1968 года Павлов согласился с тем, что команде боксеров требуется обновление. Речь шла не только о самих спортсменах, но и о тренерском коллективе. И вот удалось договориться о матче с командой США. Назначен он был на октябрь 1969 года, и драться надо было не где-то там в глубинке или в каком-нибудь захолустье, а в легендарном Лас-Вегасе. Тренерами сборной поехали Алексей Киселев и Юрий Радоняк. Для Киселева это был, по большому счету, дебют, похожий на проверку в экстремальных условиях. Киселев всего год назад сам поднимался на олимпийский ринг на финальный бой и получил серебряную медаль. Больше того, по образованию он был инженером, выпускником знаменитого МВТУ.

В Лас-Вегасе патронаж над матчем взяло на себя местное полицейское управление. Интерес к матчу был невероятный, его показывал крупнейший тогда национальный канал Эй-Би-Си, комментировать приехали Мохаммед Али и Уолтер Кронкайт – на тот момент самые знаменитые люди Америки. Приехал в Лас-Вегас и посол СССР в США Анатолий Добрынин с супругой и небольшой свитой. Я был в составе спортивной делегации, передавал отчет о матче в ТАСС, причем мне была дана команда из Москвы – дать в полном объеме, себя не сдерживать. Диктовал я почти час – сборная СССР выиграла 6:5. По этому поводу газета «Советский спорт» выделила под репортаж из Лас-Вегаса из «Дворца цезарей» целую страницу. Потом мне сказали, что люди из секретариата Павлова звонили в редакцию спозаранку и не скрывали восторга, узнав об успехе. Несколько строк о матче попали в так называемую «сводку» – специальную двухстраничную подборку информации ТАСС о главных событиях в мире, которая каждое утро ложилась на «главные столы» страны. Потом руководитель делегации передал команде поздравления от руководства Спорткомитета.

Присутствие посла на матче согласовывалось наверняка с МИДом, с Москвой. Полагаю, что после возвращения в Вашингтон в Москву пошла телеграмма «верхом», депеша из посольства за подписью посла. По тогдашним правилам она шла в несколько адресов – секретарям ЦК КПСС, в Совет министров, в КГБ и т. д. Полагаю, что кто-то удовлетворенно хмыкнул, кто-то мог и позвонить по старой памяти Павлову.

А вот перед отъездом из Москвы никакой «накачки» не было. Разговоры Павлов обычно вел с руководством команды, мог он встретиться с тренерами, а спортсменов не вызывали. Так что, когда сейчас порой пишут о каких-то специальных беседах со спортсменами, это выдумки тех, кто не знал, как было на самом деле.

К сожалению, тогда не было договоренностей о телетрансляции матча на СССР, запись сохранилась в архивах Эй-Би-Си, но американцы требуют за нее огромные деньги. При этом они не обладают правами, а располагают лишь пленкой.

Бокс вообще особый вид спорта с точки зрения его популярности. Поскольку успехи в боксе имели большой резонанс, под выступления команды подводились серьезные идеологические обоснования. В том же 1979 году перед чемпионатом Европы, а он проходил в Кельне, на встречу с командой пришли ветераны войны. Результат был ошеломляющим – десять раз звучал гимн СССР.

В конце шестидесятых в легкой атлетике начала подниматься новая звезда – спринтер Валерий Борзов. Этот парнишка из Украины мог стать мировой сенсацией, но его не торопили с выходом на максимальный результат. Его берегли для главного старта – Олимпийских игр 1972 года. Если выиграет у американцев, то для всего мира это будет как прыжок Боба Бимона на Олимпиаде-68. Борзов готовился по системе централизованной подготовки, введенной как раз после прихода в спорт Павлова. Лучших спортсменов, лучших тренеров собирали вместе, использовалась самая современная методика подготовки. При этом ведущим специалистам не возбранялось и «отклоняться», если это приносило результат.

Хотя и было очень трудно «пробивать» решение через многослойный бюрократический аппарат, но Павлов сумел доказать, что нашим легкоатлетам необходимо соревноваться прежде всего с американцами. А потому спортсменам разрешались чуть ли не месячные турне по городам США. Это было не просто – элитная группа спортсменов, к тому же без сопровождающего – в роли руководителя порой был Борзов, все-таки член ЦК ВЛКСМ, уравновешенный человек – «отрывается» от родины и оказывается в «сомнительном» окружении... А в результате, по мнению того же Валерия Борзова, это привело к тому, что у него появилась уверенность в своих силах, а у соперников выработался своеобразный комплекс страха перед ним. Все-таки он обыгрывал их и летом, и зимой.

«Это было турне, по ходу которого мы объездили практически всю Америку, видели больше, чем сами американцы... Нас возили туда, где советским гражданам было вообще запрещено появляться... Были на мысе Канаверал во Флориде, там осуществлялись ракетные запуски. Но самое большое впечатление на меня лично, – вспоминал Борзов, – произвело странное сочетание – ракета стоит на старте, а неподалеку в канаве

крокодилы ползают...

Павлов всегда отличался блестящей памятью и потрясающими аналитическими способностями, – так оценивал лидера выдающийся спортсмен. – Он моментально доставал все из ячеек памяти и мог спокойно разговаривать на профессиональную тему. По таким людям складывалось отношение к руководителям высшего звена. Не ко всем, конечно, но к лучшим. Сергей Павлович был серьезный государственный. Он считал, что ему поручено важное дело, и делал его с полной отдачей... Председатель был в курсе жизни всех сборных команд. И он расширил круг людей, которые работали с командой, перед ними стояла одна задача – дать результат. И результат был».

Гимнастика всегда была видом спорта, который приносил немало медалей. Среди единомышленников в поддержке гимнастов Павлов довольно быстро нашел очень влиятельного человека – секретаря ЦК КП Белоруссии, видного партизанского руководителя Петра Машерова. И хотя разница в возрасте была существенной, говорили они на равных. И вот так сложилось, что Белоруссия принимала у себя гимнастов и там они готовились к главным стартам. Естественно, все определялось «планом», но в том-то и дело, что план подготовки, план сборов, создание всех необходимых условий для успешных тренировок был точным и верным. При этом все делалось так, чтобы спортсмен мог сконцентрироваться только на одном – на своей подготовке. Все остальное его не касалось.

Разумеется, ведущим спортсменам не раз предлагали остаться за рубежом. Особенно уговаривали боксера Игоря Высоцкого. Он «валил» соперников как по заказу, именно его больше всего боялся знаменитый кубинец Теофило Стивенсон, американцы предлагали сразу миллион долларов при переходе в профессионалы (по нынешним временам это в десяток раз больше), видели в нем «большую белую надежду». Дело в том, что абсолютными чемпионами мира по боксу среди профессионалов были темнокожие, или, как их сейчас называют, афро-американцы. Но США всегда были расистской страной, и многим фанатам хотелось увидеть белокожего чемпиона. Отсюда и пошло выражение «большая белая надежда», которое можно было бы трактовать и как «большая надежда белых». Своих белокожих парней, которые могли бы стать чемпионами в тяжелом весе, вырастить никак не удавалось. Но парень из Магадана был очень советским, и разговоры остались в воздухе, чтобы потом обрасти легендами.

В боксе сложилась своеобразная ситуация – на Олимпиадах основными конкурентами стали советские и кубинские боксеры.

Все нормально, кто лучше, тот и победитель. Но есть еще и «работа с судьями», и тут кубинцы умудрились обыграть наших даже на Олимпиаде-80 в Москве. Хорошо подготовленная команда в результате тогда завоевала одну золотую медаль и семь серебряных.

В 1970 году на работу в Спорткомитет пришел секретарь Пушкинского райкома КПСС Виталий Смирнов. Поначалу он отбивался от этой работы, понимая, что у него есть хорошие перспективы роста именно по партийной линии – это было очень престижно. Когда Смирнова в первый раз вызвали в ЦК КПСС, ему удалось отказаться от предложения. Но через год его опять вызвали. Перед тем как ехать на «разговор», он позвонил первому секретарю московского обкома, посоветоваться. А тот ему пересказал свой разговор в ЦК, который свелся к тому, что перспективных молодых первых секретарей райкомов в стране много, а имеющий высшее физкультурное образование, к тому же возглавляющий федерацию водного поло – один. Павлов при этом держался в стороне, он в свое время приглашал Смирнова в ЦК ВЛКСМ возглавлять отдел спортивной и оборонно-массовой работы, но тот отказался. И вот теперь пришел. И ни словом Павлов не обмолвился, что его заместитель был не так давно в «глухой» оппозиции.

Свою волю Сергей Павлович не навязывал, но благодаря знанию предмета умел убедить, доказать свою правоту в решении того или иного вопроса. Он всегда готовился к разговорам, ничего не решал с лета, собирал информацию, мнения. Так что у него самого формировалась обоснованная точка зрения. Конечно, были ситуации, когда к единому мнению не удавалось прийти, но если Павлов в итоге оказывался не прав, то потом счетов не сводил. Никто не помнит, чтобы он кому-то «прилично насолил». Правда, мог ни с того ни с сего надуться, на что-то обидеться – ведь и шептунов рядом хватало, но потом прояснялась ситуация и все становилось на свои места.

Павлов ввел такую практику, что ни одна сборная команда после серьезных чемпионатов мира или Европы, вернувшись в Москву, не разъезжалась сразу по домам. Все знали, что на следующий день надо быть в кабинете у председателя на «разборе полетов». Присутствие старшего тренера, президента федерации, врача команды, руководителя комплексной научной группы, начальника Управления, заместителя председателя, который курирует данный вид, специалистов из ВНИИФК было обязательным. Тщательно анализировались и успехи, и неудачи, выяснялись причины. Когда владеешь ситуацией, можно с очень

высокой степенью точности предсказать результат. Тут же составлялся план, расписывались поручения, и на следующий день документ ложился на подпись к Павлову. Теперь можно было разъезжаться, но все знали, что специальная группа будет следить за тем, как идет работа.

«Когда по распоряжению Павлова начали создаваться Комплексные научные группы, то мы оказались как бы между двух огней, – вспоминал Юрий Королев, заведовавший кафедрой хоккея в институте физкультуры. – С одной стороны, тренеры не очень соглашались с нашими тестами, с тем, что приходилось им в составлении своих планов ориентироваться на наши данные. А с другой стороны, начали требовать от нас уже большей информации».

В 1972 году Королев пришел к Павлову в кабинет, секретарь спросила – кто такой, по какому вопросу, попросила подождать, а через минуту, сама удивившись столь быстрому решению, пригласила к председателю. А речь шла о приобретении видеомagneтофона и сопровождающей техники, стоило это все колоссальных денег. Но Королев сумел убедить, доказать необходимость этих затрат, и дело двинулось.

Павлов сам отличался требовательностью, жесткостью. Но он считал, что для достижения результата нужно предоставлять все необходимое. Не уклонялся от принятия решений. При всей своей внешней строгости он постоянно «держал руку на пульсе» и, можно сказать, цементировал деятельность организации.

Вторично Королев пришел к Павлову с просьбой о помощи в создании контрольно-измерительного комплекса, начиненного всякой аппаратурой. Стоил он около 250.000 рублей. Просьба была поддержана, хотя ее реализация «съела» практически все деньги, выделенные инфизкульту на науку.

Многие новации пришли в спорт с появлением в его руководстве Павлова.

«Знаете, откуда появилась всемирно знаменитая песня Соловьева-Седого «Подмосковные вечера»? – поинтересовался Смирнов. – Она была написана к фильму «Они встретились на Спартакиаде» в 1956 году, а потом стала гимном Фестиваля молодежи и студентов 1957 года. Памятуя об этом, Павлов решил сблизить спорт и искусство. По инициативе Спорткомитета в Манеже была организована выставка «Спорт в изобразительном искусстве», где экспонировались работы и классиков, и молодежи. Всячески поощрялся интерес молодых художников, артистов, литераторов к спорту. С ведущими спортсменами сблизились Иосиф Кобзон, Роберт Рождественский, Александра Пахмутова, Николай Добронравов, Ян Френкель...»

Кстати, эта линия на сближение спорта с искусством была продолжена. Команды порой со сборов не вылезали, особенно усердствовал в этом Анатолий Владимирович Тарасов. Но от ЦК ВЛКСМ был закреплен за хоккеистами Владимир Ясенев, и он делал большое дело, организуя досуг сборной. К спортсменам неоднократно приезжали Владимир Высоцкий, Борис Хмельницкий, наверное, все модные тогда эстрадные певцы – Иосиф Кобзон, Владимир Винокур, Лев Лещенко. С командой встречались и космонавты, и даже сотрудники разведки КГБ, которых в лицо никто не знал. Это были прекрасные вечера. Такие гости, по словам Михайлова, придавали силы, энергию. Спортсменам важно было знать, что о них не забыли, что ценят их нелегкий труд. Профессионалы приезжали к профессионалам другого дела. Никому и в голову не пришло бы тогда сказать, что Лещенко, Кобзон, Винокур – «банкетная команда». Общение спортсменов с актерами, скажем, было достаточно простым и естественным. Дело в том, что они по своей популярности в народе были на равных. Конечно, это Владимир Высоцкий приезжал на сбор к хоккеистам и подружился тогда с Валерием Харламовым. Но потом те же популярные актеры ходили на хоккей к своим друзьям, которые «играли для них».

Были сотрудники, которым Павлов очень доверял, а были и те, к кому он просто хорошо относился, с уважением. Из тех, кто был ближе к нему просто в силу служебных обязанностей можно назвать Михаила Степановича Мзареулова, начальника протокольного отдела. Естественно, были вхожи к нему в кабинет и помощники во главе с Владимиром Родиченко.

Павлов был открыт, доступен, вход к нему для ведущих спортсменов был открыт. Принимал их сразу же, всех знал по именам. Защищал тех, кто, по его мнению, подвергался несправедливым нападкам. Но в то же время он прекрасно понимал, какая должна быть дистанция между спортсменом и тренером, между тренером и председателем Спорткомитета.

«Фрукты»

Иногда человеку в России говорили: ну ты и фрукт... И выражение это означало, что человек крайне необычен, от него всего можно ожидать. На одно из первых мест в списке «фруктов», с которыми работал Павлов, я бы поставил Сергея Вайцеховского – главного тренера сборной СССР по плаванию.

Вайцеховский имел свою программу, которая отличалась какой-то фанатичной направленностью на достижение результата. Некоторые специалисты считали его сумасшедшим, одержимым. Насчет одержимости они, пожалуй, были правы. Сергей Михайлович представил Сергею Павловичу свою программу, и Павлов понял его, безоговорочно поверил, что тренер «сделает результат». И когда возникала спорная ситуация, он не только его защищал, но и шел навстречу. Павлов в отношении команды пловцов старался решить любые проблемы, на каком бы уровне они ни возникали.

«В олимпийском бассейне в Монреале случилось по тем временам невероятное – три наших «бассистки» заняли весь пьедестал почета, – вспоминала Елена Вайцеховская, которая там же выиграла золотую медаль в прыжках в воду. – Павлов был в ложе почетных гостей и, не в силах себя сдерживать, бегал между рядами, а может быть, даже по сиденьям. Потом точно так же, вприпрыжку, возвращался из бассейна в Олимпийскую деревню, периодически поворачивался к свите и восклицал: «Вот, вы никто не верили, один я верил, что этот ненормальный сделает свое дело!»

Но иногда Вайцеховский создавал Павлову неожиданные проблемы.

Накануне матча по плаванию СССР – ГДР сборная страны готовилась на базе в Цахкадзоре неподалеку от Еревана. Это классическое среднегорье, и тренировки на высоте широко известны. До этого почти пять лет подряд пловцы ГДР выигрывали у советских ребят без проблем. И вот появилась информация, что ситуация меняется, что будет настоящее соперничество. И в Цахкадзор приехала съемочная группа немецкого телевидения.

Вошли корреспонденты в тренировочный зал и увидели тренажеры, а под ними во всю длину транспарант с такой надписью: «Твой главный враг – немец. Победи его!» Через пятнадцать минут об этом уже знали в посольстве ГДР в Москве, наверное, через полчаса об этом стало известно в Берлине в тамошнем ЦК, потом пошла серия встречных телефонных звонков

на разных уровнях, а часов через пять в ереванском аэропорту приземлился самолет из Москвы, на котором был срочно вылетевший на этот сбор председатель Спорткомитета. Павлов успел на вечернюю тренировку.

В зале он увидел, что на тренажерах занимаются девочки, а под тренажерами, под каждым – лужи воды. Естественно, он поинтересовался: крыша потекла или еще что? Главный тренер объяснил, что с крышей все в порядке, это – пот. Павлов посмотрел, походил по залу, дождался конца тренировки. Когда все ушли, он подошел к Вайцеховскому и сказал: «Знаете, Сергей Михайлович, когда я летел в самолете, абсолютно точно знал, как с вами разговаривать. А сейчас просто не знаю, что сказать. Может быть, так и надо». И в этом был весь Павлов.

Настоящим «фруктом» в период председательства Павлова был биатлонист Александр Тихонов. Бесспорно выдающийся спортсмен был весьма проблемной личностью и приводил в недоумение многих.

«Выходим мы с приема, оделись, а выход через две двери, – вспоминал Тихонов, – Павлов шел впереди, сопровождавшие чуть сзади. А я просто не мог идти вторым, такая у меня была психологическая настройка. Обхожу его справа, открываю дверь и выхожу. А он говорит:

– Да, товарищ Тихонов, с культуркой-то у нас слабовато.

Я ему в ответ:

– Сергей Павлович, вот здесь вы уже не правы.

– Ну, объясни.

– Вот, представьте, впереди меня идет мой руководитель, открывается дверь, влетает какой-то олух и сбивает его. А если я впереди вас, то как Матросов, принимаю огонь на себя...

Он только махнул рукой, рассмеялся и сказал:

– Понял, спорить с тобой бесполезно...

Я бывал у него по всяким поводам, он всегда находил время принять спортсмена, причем назначал время, и все было точно. Если задерживался на несколько минут, то секретарь просила подождать, чай предлагала. А иногда ведь случалось, что меня надо было наказывать по-настоящему... На Олимпийских играх было две деревни – мужская и женская. Ни одна тюрьма так не охранялась, как женская деревня. Особенно запомнилось Саппоро. Идет по общей деревне конькобежка Людмила Титова, расстроенная. Я к ней: что такое? Вот, говорит, муж с туристами приехал, а пройти ко мне не может. Я ей: Людочка, плохо любит. Я бы на его месте подкоп сделал, но проник...

И что вы думаете, проник. Правда, в лифте, думал

американки меня разорвут: как это мужчина попал в женскую деревню? Людмила жила в одном номере с Ниной Статкевич. А я еще с магнитофоном пришел. Сидим мы с Ниной, слушаем музыку. Открывается дверь, входит Людмила и говорит: о, как у вас тут весело! – и закрыла дверь. А через мгновение дверь снова открывается: ты как сюда попал?!

Весть, что я проник в женскую деревню, моментально стала известна, и меня вызвали к Павлову.

– Ну, что будем делать? – спросил он.

– Что я могу сказать, хотите – казните, хотите – героя давайте. За всю историю Олимпийских игр никто не проник в женскую деревню, а советский динамовец сумел.

– Ладно, иди, я подумаю.

Потом при встрече сказал: «Ну, молодец». Японцы никаких протестов не подавали, так эта история и закончилась.

...На первый снег биатлонисты поехали на север Хакасии.

После утренней тренировки пообедали, потом я пошел к себе и прилег. Вдруг стук в дверь. Завернулся в простыню, открываю – на пороге Павлов и кто-то еще, кажется Гончаров.

Что делать? Извините, что в таком виде. Ничего, ничего... Ну тогда заходите... Обычные вопросы: как условия? – Отлично. Как размещение? – Отлично. Как питание? – Отлично.

Потом Павлов посмотрел на меня и спрашивает: скажи честно, выпить есть? Я говорю – есть. Открываю тумбочку, достаю бутылку коньяка. А водка есть? Открываю тумбочку, достаю бутылку водки. А вино? Достаю две бутылки шампанского. Представляете, советские времена, надо просто выгонять человека со сборов. Я говорю: Сергей Павлович, обратите внимание, ни одна не открыта. А кроме того, что это за представитель нашей нации, если у него ни грамма нет... Павлов только хмыкнул и говорит: ну, налей нам по рюмочке. Выпили по чуть-чуть и попрощались. Вообще-то по правилам меня гнать надо было со сборов, но он отнесся к этому спокойно. Я знал других руководителей, которые из-за минуты опоздания на отбой устраивали трагедию, ломали человеческие судьбы. А Павлов моментально просчитал ситуацию и сделал вид, что ничего страшного в таком суровом нарушении нет. В конце концов наличие бутылки в машине не доказательство того, что водитель пьян. Сергей Павлович прекрасно понимал нас, спортсменов, и это было важно. С таким руководителем мы были готовы на многое».

Галина Горохова, выдающаяся фехтовальщица, знала Сергея Павловича еще по комсомолу – она выигрывала свое «золото» и в

Риме, и в Токио, а затем и в Мехико, была делегатом съездов комсомола. На Олимпиаду в Мехико они летели в одном самолете, после посадки пожелали друг другу удачи. Павлов традиционно сказал: «Заходи, чайку попьем, поговорим». На той Олимпиаде Горохова выиграла свое «золото» в составе команды рапиристок.

Но разговор с Павловым у нее был позже, когда Горохова, закончив академию общественных наук и защитив диссертацию, осталась без работы. В отделе фехтования ей поначалу места не нашлось. Надо сказать, что она всегда и по сей день остается человеком «с характером», ершистым. Решил вопрос о ее устройстве в отдел фехтования Павлов. И вот, в какой-то момент в отделе возник спорный вопрос, и Горохова, в запале молодости, памятуя о «заходи, чайку-кофейку попьем», решила выйти прямо на председателя. Он ее принял, выслушал, и тут – холодный душ: есть у тебя начальник – к нему, если он вопрос не решит – иди к начальнику Управления, если и он не решит, то к заместителю председателя, который ведет данный вид. И это была правильная система еще и воспитания руководящих кадров, которая позволяла готовить настоящих руководителей. Люди понимали, что означает ответственность и какой спрос с руководителя на каждой ступени.

Главные фигуры фигурного катания

Фигурное катание во все времена было особым видом спорта – с одной стороны, чрезвычайно популярным, любимым, с другой – невероятно запутанным по внутренним отношениям не только в сборных командах, но и в целом. А судейство и по сей день в фигурном катании остается, мягко говоря, весьма спорным. Состязались и собственно спортсмены, и тренеры, и школы разных городов. Особенно остро соперничали Москва и Ленинград. И когда возникали наиболее острые проблемы, приходилось подключаться Павлову, чтобы разрубить очередной «гордиев узел».

Ситуации случались самые невероятные. В 1972 году во время Олимпиады в Саппоро произошел скандал. Вернее, не скандал, а раскрылись неожиданные обстоятельства. У Алексея Уланова, который, как известно, был партнером Ирины Родниной, открылась любовь с Людмилой Смирновой, выступавшей с Андреем Сурайкиным. Сурайкин, сам равнодушный к Смирновой, был в трансе, на грани серьезного нервного срыва. Он даже обмолвился, что выбросится из окна одиннадцатого этажа. В общем, его ни на минуту не оставляли одного, а на следующий день после того, как закончилась программа парного катания – Роднина и Уланов получили «золото», Смирнова с Сурайкиным, – «серебро», – в сопровождении офицера безопасности Сурайкина отправили в Москву. А после Олимпиады предстоял чемпионат мира в США. Павлов дал команду: никого не наказывать, не за что, пусть тренируются и едут на чемпионат мира.

На тренировке случилось неожиданное – во время поддержки Уланов уронил Роднину, да так, что она, ударившись головой об лед, почти два дня пролежала без сознания. На месте «разруливать» ситуацию поручили Елене Чайковской. В Москве на Павлова уже накатывался «вал» – никто толком не знал, что произошло, но министра изводили претензиями: зачем послали две пары, почему не заменили партнерш и т. д. Дилетанты всегда «знают» больше специалистов, а потому готовы судить всех и вся. Да еще когда речь идет о фигурном катании, а у чиновников высокого ранга есть жены-болельщицы, есть дети. И все имеют свое мнение, все что-то советуют, все осуждают. Павлов был в постоянном контакте с командой, вот только со спортсменами не разговаривал, он считал, что не имеет права их понапрасну будоражить. К счастью, Роднина оклемалась, на пьедестале было повторение олимпийского Саппоро: Роднина – Уланов – «золото», Смирнова – Сурайкин – «серебро». А позже Уланов женился на

Людмиле Смирновой.

В 1975 году в январе случилась «страшная» история. После окончания чемпионата Европы в Копенгагене по указанию из посольства, по просьбе какой-то внешторговской организации наши пары должны были сфотографироваться для рекламы – Людмила Пахомова и Александр Горшков на фоне «Столичной», а Ирина Роднина и Александр Зайцев на фоне «Московской». На катке было холодно – около минус десяти градусов, а сниматься надо в спортивных костюмах. Продержали их в таких условиях около трех часов. А надо сказать, что «большой спорт» не укрепляет организм, а наоборот, выкачивает из него все силы. А Горшков и без того кашлял. Короче, на следующий день прямо в самолете, в воздухе, у него разорвалось легкое. Подключены к делу фактически спасения были все московские медицинские светила. В субботу знаменитый доктор Перельман, которого откуда-то экстренно вызвали, в клинике МПС – было указание министра путей сообщений Бещева – сделал уникальную операцию. При этом рядом с учеником лежала тренер – оказалось, у нее такая же уникальная группа крови.

Через некоторое время Елена Анатольевна вместе с Людмилой Пахомовой пришли к Сергею Павловичу – выступать в марте на чемпионате мира Горшков не может, но ехать нужно.

Павлов знал о ситуации со здоровьем Александра и просто сказал: вы что, с ума сошли. Рисковать жизнью... И так говорят, что он уже умер...

А они должны показать «эталонный» танец – танго «Романтика», который следующей зимой должен был стать обязательным. Павлов все выслушал и написал: «Ответственность беру на себя». И, естественно, расписался, понимая, случись что – отвечать надо будет уже не партбилетом, а серьезнее.

А дальше – турне по США, хотя Пахомову и Горшкова могли и не брать – все-таки в чемпионате мира не участвовали, но слишком хороши они были и их танцы гарантировали аплодисменты всего зала стоя. При этом они должны были закрывать первое отделение, а поездка на два месяца.

И вот около трех часов ночи в Сан-Диего – условия были прекрасные, двадцать градусов тепла – в гостинице раздается телефонный звонок в номере Чайковской. «Здравствуйте, это Смирнов, ну как у вас дела?» – «Все нормально». – «А как катание идет?» – «Принимают хорошо, вызывают на бис». – «И Ира Роднина хорошо?» – «Хорошо». – «А как Горшков себя чувствует?» – «Нормально». – «А можно с ним поговорить?» – «Он сейчас в своем номере спит». – «Все-таки позовите его к

телефону».

Чайковская пошла через всю гостиницу за Горшковым, еле добудилась. И опять: как дела, как самочувствие и т. д. «А вот Сергей Павлович подошел...» Никогда никто не звонил, когда фигуристы были в турне, а тут – звонок ночью, и обязательно поговорить со спортсменом. Потом оказалось, что по Москве пошел слух: после показательного выступления в Лос-Анджелесе Горшков... умер. И не дожидаясь точной информации, Павлова начали «возить об стол» звонками со Старой площади – вы брали на себя ответственность и т. д. Поэтому ему нужно было самому услышать голос Горшкова.

Потом такая же история была в Чикаго. Легче стало в Нью-Йорке, там фигуристы попали под опеку советской миссии, и их уже разве что на руках не носили. Дипломаты сами информировали, что все живы, все нормально. Ночные звонки прекратились.

В принципе, Павлов мог сказать, что врачи не рекомендуют поездку, а потому – ехать нельзя, оставайтесь дома. И никто бы его не попрекнул за это. Но Павлов понимал спорт и спортсменов.

Знаменитый тренер Елена Чайковская встречалась с Сергеем Павловичем не раз. И это не было просто «общение», жизнь была настолько напряженной, что встречи диктовались необходимостью решения острых вопросов. «Засудили» ее ученика Владимира Ковалева, и нависла угроза, что он будет попросту оставлен дома вместо участия в чемпионате Европы 1977 года. Павлов должен был принять, как говорится, волевое решение. В качестве одного из «грузов» на весах были слова тренера: выиграем первое место! «Так, закончили разговор, едете», – больше Павлов не хотел говорить на эту тему.

Ковалев не выиграл тогда чемпионат Европы, он остался вторым. Англичанин Казинс откатал произвольную программу блестяще и стал чемпионом.

«Приехали, прихожу к Павлову и докладываю – задание не выполнили, второе место, – рассказывала Елена Анатольевна.

– Ничего. Поедете на мир. Там что будет?

– На мире выиграем».

Ковалев в Колорадо-Спрингс блестяще выиграл «золото» среди одиночников.

Чемпионат проходил в США на катке «Бродмор» в Колорадо-Спрингс, райское, надо сказать, место. Правда, на высоте около 2000 метров, так что дышать там было нелегко, но Чайковская часто возила своих подопечных в горы и они были привычны.

Жили в гостинице «Бродмор», расположенной в нескольких сотнях метров от катка.

«Через три часа после финала идет нам навстречу по коридору гостиницы Анна Ильинична Синилкина, которая была руководителем делегации, с вот такой телеграммой, – Елена Анатольевна едва не раздвинула руки на манер рыбака, показывающего, какую рыбину он поймал. – Адресована она была Чайковской и Ковалеву, не руководителю делегации, никому другому. Надо бы ее найти, где-то у меня лежит. Там было что-то типа «оправдали доверие» и короткая подпись – «Сергей Павлов», не министр, не что-то еще. Мы с этой телеграммой как с флагом ходили. У меня в тот год случилось немыслимое – два моих спортсмена стали чемпионами мира – Владимир Ковалев и Геннадий Карпоносов с Натальей Линничук, что в фигурном катании как бы немыслимо... Это со мной была такая история...»

Выступать лидеру комсомола приходилось с самых высоких трибун.

Иногда симпатии Н. Хрущева выходили боком...

По протоколу...

Прежде всего такие встречи давали новый опыт.

С Юрием Гагариным они были просто близкими друзьями.

Гагарин любил, чтобы Павлов был рядом. Вместе – надежней.

С космонавтами у Павлова была настоящая духовная близость.

С космонавтами встречались и до, и после полетов.

На охоту с Гагариным они могли сходить, но страстными охотниками не были.

Родители С. Павлова с его друзьями – космонавтами.

Друзья Юрий Гагарин, Сергей Павлов, Юрий Ельченко отпуск подгадывали так, чтобы быть вместе. Где-то на юге...

А как он «замечательно» в середине сезона снял «заслуженных мастеров спорта» и с Ковалева, и с Карпоносова. После чемпионата Европы, когда в Москве объявили, что им присвоено по совокупности звание заслуженных мастеров спорта,

дружно поехали это дело отметить в «Яр». Они напились на радостях и «загремели». Дело дошло до председателя, и стало ясно, что «на тормозах» его не спустят.

Чайковская пришла к Павлову: «С них не снимайте звания, снимите с меня, я их тренер и все случившееся – мое упущение». В ответ предельно ясное, не допускающее обсуждений: иди отсюда, с тренеров я ничего не снимаю, они напились, и это их вина.

Но через месяц с небольшим в том же сезоне оба выиграли чемпионат мира и им снова, согласно положению, присвоили звания заслуженных мастеров спорта. Так получилось, что в течение одного сезона «пожаловали, разжаловали и снова пожаловали». Павлов ничего припоминать не стал.

Все решают не кадры, а люди

Кадровые изменения в Спорткомитете происходили постоянно, причем не только на уровне «большого руководства», но и в низших звеньях. При этом новички знали, что у них возможен рост, движение по служебной лестнице. Павлов вместе с тем умел поддерживать «баланс сил». «Стариканы» чувствовали себя спокойно – их опыт был востребован, они были серьезными советниками, консультантами, входили в состав руководства различных международных федераций. Валентин Гранаткин, Николай Никифоров-Денисов, Игорь Новиков, Леонид Хоменков, Андрей Старовойтов – без них в международных федерациях ни один серьезный вопрос не решался. Так что никакие манипуляции с правилами в любом виде спорта были невозможны.

Павлов пригласил в Спорткомитет «ребят» из Комитета молодежных организаций, который называли еще «молодежным МИДом». Система была выстроена – в КМО работали молодые кадры, не исключено, что было немало и сотрудников различных подразделений КГБ, но это были «растущие и перспективные кадры». Довольно быстро сориентировавшись, Павлов выделил как одно из основных направлений работу с «друзьями-соперниками» из тогдашних социалистических стран. Этим странам также требовалось заявлять о себе на международной арене, в первую очередь – ГДР. И был сформирован отдел социалистических стран во главе с Дмитрием Прохоровым. Позже он стал начальником Управления международных связей, координировавшим нашу деятельность в международных спортивных федерациях. Вместе с ним работали Александра Ивушкина, Дина Смирнова, Владимир Коваль, Виктор Хоточкин.

Стали регулярно проводиться совещания руководителей спортивных организаций социалистических стран, формировалась общая позиция по многим вопросам. В том числе и для голосования по выборам кандидатуры Москвы на право проведения Олимпиады-80. Другое дело, что не раскрывали секретов своей фармакологии немецкие коллеги... Но у них это были государственные секреты, гостайна. Так что и Павлову секреты не раскрывали, а однажды над ним даже подшутили – дали какую-то таблетку, вроде как из тех, которые принимают спортсмены, а оказалось, что это был обычный кальций. Сергей Павлович на Манфреда Эвальда, который возглавлял тогда спорт в ГДР, серьезно обиделся. КГБ к этому не подключали, таблетки все-таки не атомная бомба или крылатая ракета.

Правда, сами спортсмены частенько друг от друга секретов не

скрывали. Так, Александр Тимошинин, двукратный олимпийский чемпион по академической гребле в двойке парной, знал, что под Берлином в городке Копенике есть лаборатории, чуть не подземные, в которых разрабатывают стероидные препараты. У наших спортсменов были только напитки на основе черной смородины и какие-то препараты, типа оротата калия – восстановителя калия в организме. Кое-что, более серьезное, прежде всего витамины, получали из институтов, занимавшихся «космической медициной», в том числе и проблемами питания.

Через некоторое время Павлов сделал «ход конем» – пригласил в качестве своего заместителя инструктора сектора отдела пропаганды ЦК КПСС Виктора Ивонина. Курировать он стал шахматы, и главная его задача состояла в том, чтобы шахматная корона была у советского шахматиста. Павлов хотя и хорошо относился к шахматам, но все-таки недолго любил их из-за вечных тяжб. Борис Спасский проиграл Бобби Фишеру, надо было найти новую звезду и вести ее к победе. Новой звездой стал Анатолий Карпов, уроженец уральского Златоуста, из скромной семьи инженера, худенький, явно не атлет, но очень талантливый шахматист. Начала работать «павловская» идея обеспечения результата. Потенциальному чемпиону были созданы необходимые условия, дело дошло до того, что к нему прикрепили персонального тренера по физической подготовке, не говоря уже о прикомандировании шахматной бригады. Разумеется, шахматная жизнь в стране шла своим чередом, соревнования проводились, массовость росла, молодежь получала помощь, но специальные условия создавались для Карпова. И эта тактика себя оправдала – Анатолий Евгеньевич, его так называли все, даже те, кто был на пару десятков лет старше, шел вперед, и результаты его не вызывали сомнений. Правда, проигравшие иной раз сетовали, что на Карпова работают такие большие силы, начиная с Михаила Таля... Но за доской-то результата он добивался сам.

Ивонина его коллега Константин Рогульский называл «ночным директором». Был в шестидесятые годы хороший фильм «Семья Журбиных». Один из его персонажей – старый мастер Матвей Журбин, уже будучи пенсионером, дежурил в кабинете директора завода и в случайном позднем телефонном разговоре с министром представился как «ночной директор». Когда Павлов уезжал в командировку, Ивонин оставался «на хозяйстве», но практически никогда решений не принимал, все записывал и докладывал или по телефону, или дожидался возвращения «СП». Таким образом, Павлов был уверен, что за время его отсутствия ничего особенного не произойдет, что ему не придется

распутывать какие-то новые «узелки».

Помимо шахмат Ивонин курировал и международную деятельность Спорткомитета.

Надо сказать, что наша активность в международном плане сковывалась внешними обстоятельствами и политическими догмами. Существовал «железный занавес», шла «холодная война», контакты с иностранцами были весьма ограничены и не приветствовались. И когда нам надо было в каких-то дисциплинах догонять тех же американцев или немцев, то требовались огромные усилия. У нас существовала своя система развития спорта, но она была разработана в сороковые-пятидесятые годы, и именно ее взяли за основу руководители спорта Китая и ГДР. Павлов понимал, что нужно вкладывать немало средств, чтобы вырабатывать свои новые методики, порой даже изобретать велосипед. А тогда возможность послать кого-то из тренеров на стажировку, отправить спортсмена к иностранному тренеру исключалась в принципе. Сказать, что, к примеру, в плавании мы не можем добиться серьезных успехов из-за пробелов в методике подготовки, а потому надо ехать учиться у американцев, было невозможно. Но Ивонин хорошо изучил коридоры ЦК КПСС и знал, с кем надо «посоветоваться», чтобы получить то или иное «одобрение». Так что председатель Спорткомитета мог быть спокоен за этот «участок», но всегда был готов подключиться, когда требовалось пустить в ход «тяжелую артиллерию».

Хоккей – игра партийная

Зимой 1972 года состоялась Олимпиада в Саппоро, вполне успешная для наших спортсменов. Однако не обошлось без неприятностей. Детали этой истории неизвестны, но... после Олимпиады возник конфликт с тренерами хоккейной сборной – Аркадием Чернышевым и Анатолием Тарасовым. Один из близких людей к миру хоккея рассказал мне, что тренеры затребовали себе иных наград, чем должны были получить. Павлов не мог принять их условий, даже если речь шла о выдающихся тренерах. В результате они подали в отставку, заявив, что устали, плохо себя чувствуют... Расчет был прост – традиционно после Олимпиады наша хоккейная команда, эмоционально опустошенная, чемпионат мира проигрывала. Вот, мол, проиграют и вернутся к нам с поклоном. Причем эта идея исходила от Тарасова. Несколько лет спустя Чернышев однажды обмолвился: и зачем я Только тогда послушал...

По другой версии, они хотели действительно отдохнуть и уйти непобежденными, а как там дальше сложится, их уже не волновало. Чернышеву и дома говорили: ну отдохни, куда гнаться, выиграл и так все, что можно, больше тебя никто не выигрывал.

«Конфликт Павлова с Анатолием Владимировичем Тарасовым был неизбежен, – вспоминал Владимир Юрзинов. – Павлов был настоящим лидером, он должен был вести за собой. И у него это прекрасно получалось. Тарасов же, при своем характере, никогда не мог согласиться на роль «исполнителя». Приход Павлова в Спорткомитет вызвал у него весьма негативную реакцию».

«Будут еще нами «комсомолята» руководить, да не бывать такому», – говорил Тарасов, полагая, что ему все-таки удастся перебороть сравнительно молодого председателя Комитета. Но в том-то и дело, что Тарасов был человеком ЦСКА и прямых контактов у них с Павловым не было, разве что когда дело касалось сборной. Но и в сборной главным тренером был Аркадий Иванович Чернышев. Павлов отвечал за все сборные СССР, и то, что творилось в ЦСКА, его не касалось. Хотя, конечно, он все знал. Так что Тарасова он, разумеется, принимал, выслушивал его доводы, но вел свою линию. Тарасову стало ясно, что подчинить себе Павлова ему не удалось и диктовать политику в области хоккея не получится. Уход Чернышева и Тарасова после Олимпиады в Саппоро в 1972 году Павлов воспринял спокойно, «отдав» сборную Всеволоду Михайловичу Боброву. Олимпиаду-72 выиграла команда Чернышева – Тарасова, а Бобров вместе с

Николаем Пучковым через несколько месяцев был вторым на чемпионате мира в Праге. Никаких «оргвыводов» не последовало, разве что вторым тренером сборной вместо Пучкова стал Борис Кулагин. Бобров остался руководить сборной и начал готовить ее к встрече с канадскими звездами. Кстати, Аркадий Чернышев перед этой Суперсерией-72 ездил в Канаду в качестве «разведчика».

Весной, а вернее в мае, состоялся секретариат ЦК КПСС, на котором Павлов должен был докладывать о подготовке советских спортсменов к мюнхенской Олимпиаде. К этому времени уже работала настоящая научная бригада, которая следила за ситуацией, и по их выкладкам получалось, что на этот раз в неофициальном зачете наша команда должна Олимпиаду выиграть. Хотя возможны и сюрпризы.

На этом же секретариате Павлов доложил о предстоящей суперсерии по хоккею, которая должна начаться во время Олимпиады. Сейчас все результаты ее известны, а тогда... Самым ярким врагом серии оказался Суслов, сославшийся на свои источники – вот, мол, канадцы считают, что они выиграют все восемь матчей, так что серия закончится с сухим счетом. Павлов возразил: мало ли что канадцы пишут, наши хоккеисты выступят достойно. Брежнев, который был фанатом хоккея, болельщиком № 1, относился к этому проекту спокойно, но при всех членах Политбюро конфликтовать с Сусловым побаивался. Дело дошло до того, что Суслов потребовал, чтобы Павлов написал расписку, что все матчи наши не проиграют. Павлов взял и написал. Суслов пообещал, что в случае проигрыша хоккеистов Павлов «вылетит из партии, со всех постов и даже дворником в Москве не устроится». Надо сказать, что отвратительные качества Суслова хорошо знали многие руководители – иезуит по характеру, ортодокс до мозга костей, человек весьма одиозный. Он сломал немало судеб, многие его ненавидели, но связываться с ним побаивались. Чуть что – он кидался к Брежневу и жужжал ему в ухо своим нудным голосом привычные наветы, опираясь на откуда-то высосанные постулаты классиков марксизма-ленинизма.

И вот с таким «напутствием» от влиятельного члена Политбюро руководителю советского спорта предстояло через несколько месяцев отправляться на Олимпиаду.

Летом Тарасов пришел к Павлову и, естественно, был принят. Знаменитый тренер доказывал, что лучше послать под его руководством команду ЦСКА, она, мол, сыграет лучше. Устроили контрольный матч, и «сборная Боброва» одержала более чем убедительную победу. Вопрос был решен окончательно.

Олимпийцы получили традиционные напутствия и улетели в Мюнхен. Хоккеистов, тем не менее, перед отлетом в Канаду не «накачивали».

Олимпиада началась достаточно успешно, но ждали новостей из Монреаля, как пройдет первая игра. О выигрыше не мечтали, главное, чтобы выглядели достойно. Павлов, Валентин Сыч, возглавлявший Управление игровых видов спорта, и еще несколько человек отправились в телевизионный пресс-центр, куда должны были завести из Москвы сигнал, получаемый из Канады. Виталий Смирнов вспоминал, что по пути в телецентр Павлов поделился с ним своими опасениями. «Знаешь, чего я боюсь? Проиграем там 2:4 или 3:5 – ничего страшного, только не 20:0 в их пользу или чего-то подобного...»

И ведь при этом у него была информация, основанная на мнении настоящих специалистов, разбиравшихся в хоккее лучше многих. Но реальной силы профессионалов он все-таки не представлял...

И вот зазвучал голос Николая Николаевича Озерова... Дальнейшее уже известно и описано не раз. После окончания трансляции все, кто находились в просмотрной Гостелерадио, выпили на радостях, в возбужденно-приподнятом состоянии вернулись в Олимпийскую деревню. Счастью всей команды не было предела. Судьба Павлова и многих его единомышленников была спасена – главный партийный инквизитор лишился аргументов в борьбе с комсомольским выходцем.

Постепенно Сергею Павловичу удалось добиться того, чтобы Комитет был выведен из-под мелочной опеки. Правда, случались и курьезные ситуации.

«Кажется, в 1974 году, в конце апреля, начался чемпионат мира по хоккею, – вспоминал Смирнов. – В субботу утром я приехал в Комитет по каким-то текущим делам и потом собирался сразу отправиться на охоту на глухаря, у меня уже и путевка была. Охотники поймут мои чувства... И тут меня вызывает к себе Павлов. Когда я вошел, он по «вертушке» разговаривал, стало ясно, что с секретарем ЦК Демичевым, который нас курировал. А наша команда накануне крупно проиграла чехословацкой сборной (1:7). Разговор сводился к следующему:

– Вы понимаете, что вывели из строя все Политбюро? Леонид Ильич всю ночь из-за этого не спал, – возмущался Демичев. – Вы отдаете себе отчет в том, что произошло? Кто у вас там находится?

– Валентин Сыч, начальник Управления.

– А вы, почему вы не там?

– Наш сектор (имелся в виду сектор ЦК. – В. К.) не считает нужным, чтобы председатель Комитета выезжал на чемпионаты мира.

– Хотя бы ваш заместитель там?

– Нет.

– Немедленно пошли заместителя, который курирует хоккей».

В результате вместо охоты на глухаря Смирнов поздним вечером поездом отправился в Хельсинки. Естественно, никакого «разгона» не было, все и так хорошо понимали ситуацию. Виталий Георгиевич регулярно созванивался с Павловым, у них было полное взаимопонимание в вопросах управления командой – ни в коем случае не доводить дело до того, чтобы команда «перегорела». Чемпионат тот завершился благополучно, выиграли в итоге у всех, в том числе и у сборной Чехословакии в повторном матче (играли тогда в два круга).

В 1977 году, после двух подряд неудач на чемпионатах мира, было решено сменить тренеров сборной хоккеистов. Как шел подбор кандидатов, неизвестно, но весной 1977 года в Ригу приехал на встречу с болельщиками, которую организовывало местное «Динамо», Николай Николаевич Озеров и поздравил всех с тем, что тренер клуба назначен на пост тренера сборной страны. Без согласования с Павловым и, естественно, с ЦК КПСС такое назначение вряд ли могло состояться, но после этого Тихонова вызвали сначала в ЦСКА и он отказался от этого клуба, а затем пришлось ехать на Лубянку к председателю КГБ. А он и там начал отказываться. В общем, завершилось это через некоторое время в кабинете Андропова: «Хотел я тебя перевести в «Динамо», но Леонид Ильич сказал, что ты должен быть в ЦСКА».

«Вызывали каждые два-три месяца в ЦК, докладывал, как готовимся, к каким турнирам, – вспоминал Тихонов. – Но отношение ко мне лично было очень хорошее, доброе... А к Павлову вызвали после того, как мы проиграли в тот же год крупно в Москве на «Призе «Известий». После Павлова вызвали к Андропову – речь шла о том, кто у меня будет помощником. Я предлагал Бориса Майорова, мы с ним сработались. То он был главным тренером во второй сборной, то я. У нас сложились хорошие отношения. А как насчет Юрзинова? В общем, долго обсуждали, говорили о просьбе руководства «Динамо». В итоге – будете работать вдвоем. Таким было его решение... Но это еще не все. Скоро меня снова вызвал Павлов, у него в кабинете сидел Анатолий Владимирович Тарасов. И вот Павлов к нему обращается: Анатолий Владимирович, чемпионат мира будет в Праге, помогите Виктору Васильевичу на первых порах, он с

первой сборной все-таки не работал. После долгой паузы Тарасов посмотрел в окно и сказал: я буду помогать только после Праги. Сергей Павлович сказал, что разговор окончен, и попросил его из кабинета выйти...

Это казалось невероятным, но чемпионат мира 1978 года в Праге сборная СССР с главным тренером-новичком выиграла. Обстановка «за кулисами» была напряженная – в тот год исполнялось десять лет с момента ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию. В Праге действовало свое подполье, и готовились различные демонстрации в течение всего года. Ключевым моментом должен был стать финал чемпионата мира по хоккею. Чехословацкая сборная была очень сильна, и болельщики не сомневались, что она завоюет «золото». Были заготовлены плакаты «Шайбы сильнее танков» и какие-то другие. Хотя надо сказать, что сами пражане в большинстве своем относились к советским хоккеистам с уважением, а к ветеранам – таким, как Александр Рагулин или Виталий Давыдов, – с симпатией. Ветераны приехали как туристы и разъезжали по городу на трамваях. Естественно, в Прагу приехали и сотрудники спецслужб, которые контактировали между собой. Наших больше беспокоило, чтобы не было предпринято никаких враждебных действий, прежде всего против хоккеистов.

Матч транслировался по телевидению в СССР и, конечно, вызвал огромный интерес у всех. Выиграла наша сборная, причем с тем преимуществом, которое было как раз необходимо. На следующее утро состоялся секретариат ЦК КПСС, и Брежнев, войдя в кабинет, обратился к участникам: поздравляю вас с большим успехом... Некоторые, не поняв, в чем дело, стали интересоваться – с каким, собственно? Посевная прошла успешно или еще что? Леонид Ильич объяснил, что выигрыш чемпионата мира по хоккею в Праге имеет огромное значение, и распорядился подготовить документы на награждение команды.

С этого началась карьера Тихонова на чемпионатах мира.

«Потом, через какое-то время вызывает меня снова Сергей Павлович, и опять у него в кабинете Тарасов, – вспоминал Тихонов. – «Вот Тарасов говорит, что Юрзинов вам не помощник, вам нужен другой помощник». Я ему ответил, что так нельзя, мы работаем нормально, есть успехи, а если взять кого-то другого, так мне, только чтобы притереться к нему, потребуется год. А если другой будет не очень хороший?» Больше с Тарасовым в кабинете Павлова мы не встречались...

После того как мы проиграли на Олимпиаде-80, Павлов меня не принял, с несколькими игроками встретился, а мне в приеме отказал. Критика в адрес сборной и тренера была оглушительной,

мол, студентам проиграли. А на то, что эти «студенты» обыграли команды Швеции, Финляндии, Чехословакии, никто и внимания не обратил. Разумную мысль высказал Аркадий Аркадьев, выдающийся тренер фехтовальщиков. Он отметил, что я опоздал со сменой состава. Когда это необходимо делать, точно никто не скажет. Бывает или рано, или поздно. Где середина – неизвестно. После Олимпиады мы поехали в Швецию, и я сменил шесть или семь ведущих игроков. Вот тут шум и начался. А я не взял Валеру Васильева. И понял, что или я выстою, или меня сломают. К Павлову не вызвали, но я чувствовал, что напряжение нарастает. Накануне отъезда приехал Андрей Васильевич Старовойтов и сказал: отбой дали, но учти, твоя голова на плахе. Турнир мы выиграли, и вдруг вызывают меня на совещание в ЦК, а там «разносили» футбол. Вел совещание секретарь ЦК Михаил Зимянин. Вдруг он говорит: «Вот здесь сидит наш хоккейный тренер Виктор Тихонов. Вы знаете, впервые такое случилось, не подчинился указанию ЦК партии. – Он выдержал паузу и добавил: – Правильно сделал, только так можно выиграть». У меня отлегло, я понял, что не только моя голова была на плахе...»

А в 1979 году Валентин Сыч, который возглавлял Управление хоккея, разыграл своего шефа. История эта широко известна, но не могу ее не привести.

«Кубок Вызова» в Нью-Йорке состоял из трех матчей – первый выиграла сборная НХЛ, второй – сборная СССР. После третьего матча в час ночи в номере Сыча раздался телефонный звонок из Москвы, и Валентин «убитым» голосом сказал: «Да, Сергей Павлович, шесть: ноль». А через мгновение, поняв, что Павлов по «вертушке» разговаривает с кем-то из секретарей ЦК КПСС, тут же закричал: «Мы выиграли, мы». Потом Павлов разъяснил своему верному помощнику, кто, когда и кого имеет право разыгрывать.

В 1981 году команда поехала на Кубок Канады, и этот турнир складывался для сборной очень тяжело. Сначала команду догнало сообщение, что погиб Валерий Харламов, потом проиграли канадцам 3:7. С трудом выиграли у чешской сборной в полуфинале, и теперь предстоял финал. Он закончился с невероятным счетом – 8:1. Причем не в пользу хозяев льда в монреальском «Форуме», а в пользу гостей. И вот в час ночи – в Москве было девять утра – Сыч, возглавлявший делегацию, звонит в Москву Павлову и, не удержавшись, опять-таки не слишком радостным голосом говорит: восемь: один. Павлов в ответ огорченно вздохнул: что же вы так, не могли как-то поприличней сыграть. «Да мы выиграли! Мы!» – прокричал Сыч. У Павлова камень с души свалился. «Ну, молодцы! Большое спасибо всем».

У этой истории было продолжение.

«Мы вернулись в Москву, надо бы как-то ребят премировать, – вспоминал Майоров, – а не можем. Тогда существовали специальные нормы – за чемпионат мира можно заплатить премию, за Олимпиаду можно, за что-то еще – можно, а за Кубок Канады – нельзя. И Сергей Павлович написал письмо напрямую Леониду Ильичу Брежневу с просьбой разрешить премировать игроков. Получил положительную резолюцию, игрокам выдали премии. Все хорошо. А через два года, когда Сергей Павлович уже не работал в Спорткомитете, начали стряпать дело, что он без разрешения растратил деньги, мол, нет нигде разрешающих документов. А сумма была немаленькая. Но, к счастью, тогда в архивах был порядок, и нашли соответствующее решение. А иначе новая «команда» накинута бы и на Сыча, и на меня, да и на Павлова».

Впрочем, она и так накинута.

В 1972 году, во время Олимпиады в Мюнхене в одном из разговоров Павлов обмолвился: а члены МОК не такие уж и дураки, что не дали нам Олимпиаду-76. Мы бы никак не смогли подготовиться, построить эту махину... А ведь в 1970 году, раздосадованный тем, что кандидатуру Москвы «прокатили», он дал команду «громить МОК». И газета «Советский спорт» чуть не ежедневно печатала очередной «разоблачи́зм» МОК. Но настал день, когда все это прекратилось. Произошла «смена вектора», было решено сотрудничать с МОК, это будет продуктивнее. И ведь правильное решение оказалось.

В качестве представителя МОК для СССР, так именовался этот титул, был выдвинут Виталий Смирнов. Себе Павлов никаких мест не выторговывал. Помимо всего прочего, Смирнов еще и немного говорил по-английски, а без знания языка в МОК делать нечего.

При этом у Павлова были нормальные рабочие отношения со всеми иностранными партнерами. Международное Управление было не слишком многочисленным, но Дмитрий Прохоров сумел организовать дело так, что у руководства была полная информация, кто чем дышит. А Павлов от природы был великолепным дипломатом и очень тонким политиком. Конечно, он не был плюшевым мишкой, который всех любил и всем помогал. Он был сложным человеком и прекрасно понимал, что он делает, как это нужно делать, чтобы прийти к цели кратчайшим путем. Сергей Павлович сформировал «свою команду», и этим людям он доверял, часто давал им поручения, а не кидался все делать сам. Ему докладывали об исполнении, и с ним обсуждались следующие шаги. И эта система работала четко.

В 1980 году во время Олимпиады в Москве проходила очередная сессия МОК, на которой предстояло избрать нового Президента. Основных кандидатов было двое – Вилли Дауме из тогдашней Западной Германии и Хуан-Антонио Самаранч – посол Испании в СССР. Международное управление работало в усиленном режиме и готовило документы не только для своего непосредственного руководителя, но и для более широкого круга. Прохорову пришлось работать практически на два «фронта» – и для Спорткомитета и для Оргкомитета, к делу подключились и сотрудники ЦК КПСС. И хотя у спортивного руководства СССР были хорошие отношения с обоими претендентами, положение Дауме было, как говорят шахматисты, оценивая позицию, «хуже». Дело в том, что, уступая давлению администрации США, олимпийский комитет ФРГ вынужден был отказаться от участия в московской Олимпиаде. Это был решающий удар по кандидатуре Дауме.

Через некоторое время после выборов Самаранч поделился с Павловым своей идеей – он хотел сделать членами МОК «по должности» президентов национальных олимпийских комитетов СССР, США, Франции, Италии и нескольких других. Павлов отказался, заявив честно, что делает это по этическим соображениям. «В Уставе МОК записано, что члены МОК не могут публично высказывать свои несогласия с положениями комитета, а я не согласен с некоторыми моментами и должен буду критиковать решения. А значит, и вас. Вы-то меня поймете, но это может быть негативно воспринято членами МОК». Такая позиция – честная и принципиальная – тогда была понятна. Боюсь, что с приходом новых руководителей Олимпийского комитета СССР она была бы просто поднята на смех. А ведь скажи Павлов «да», многое было бы иначе, но это уже из области сослагательного наклонения. А в истории его не бывает. Кстати, член МОК Виталий Смирнов не написал книги своих воспоминаний, в которой речь шла бы о его жизни в МОК. Как говорится, «старая закалка».

Павлов очень переживал, что его отправляли на дипломатическую службу. Он не скрывал своих чувств от друзей, от семьи Гагариных. В принципе, в стране были так называемые «карьерные дипломаты» – специалисты высокого класса, которые знали дело и считались лучшими в мире. Вместе с тем послами назначали секретарей обкомов, которые или проштрафились, или просто кадровики в ЦК КПСС не знали, куда их девать, так как хозяйственниками они были никудышными, а вот дружбу народов испортить не могли. К тому же в каждом посольстве был и первый секретарь, и пресс-атташе, которые, собственно, и вели дела.

Но Павлов привык работать сам, он был человеком дела и решал задачи в интересах государства. Для него дипслужба стала не «отбытием номера», способом дотянуть до пенсии, а возможностью принести пользу. Вот только, по большому счету, многим это не было нужно. У державы-то не спросишь, нужно спрашивать у «государей», а у тех в восьмидесятые-девяностые годы прошлого столетия были другие интересы, которые стояли выше государственных. И Павлов в этой среде был «инородным» телом, он-то оказался закоренелым «государственником».

После успеха на Олимпиаде-72 требовались новые победы. Но руководство Спорткомитета помимо того, что было озадачено необходимостью добиваться высоких результатов, решило как-то приблизить спортивных звезд к... народу. И вместе с ЦК ВЛКСМ были сформированы специальные «бригады» чемпионов, которые ездили на ударные комсомольские стройки. Сейчас об этом говорят с улыбкой, но тогда... Я сам помню встречу с Александром Мальцевым, который с неподдельным восторгом, при всей своей немногословности, говорил о красоте Сибири. Естественно, были у спортсменов и розыгрыши, которые со временем превратились в легенды, причем героями были не кто-либо, а выдающиеся олимпийские чемпионы Валерий Борзов и Валерий Харламов.

«Все ведь зависит от личности, а не от того, спортсмен ты или слесарь, – вспоминал Ракита. – И интересы у всех были разные – у одних широкие, а другие ограничивались одним стаканом. Люди же бывают разного калибра. И компании у спортсменов были разные. Одна, скажем, для шахмат и преферанса, другая – чтобы к девушкам ходить, а третья – чтобы выпивать и разговаривать».

В девяностые годы прошлого столетия слово «патриотизм» то ли по недомыслию, то ли умышленно новоявленные идеологи постарались вытравить. Но чувство-то, к счастью, у многих осталось...

«Когда мы выступали на любых соревнованиях, то меньше всего думали о деньгах, – говорил Александр Тимошинин. – У нас был флаг, была Родина, была, наконец, в том же спорте классная идеология. Мы знали, что в спорте надо выигрывать, что того, кто рядом с тобой на старте, надо порвать на дистанции. И с соперниками у меня были при этом великолепные отношения, мы в обход всяких инструкций все-таки встречались, общались. Но на старте для меня ничего не существовало, кроме дистанции, которую надо пройти. И тут заканчивалась всякая дружба. Дело есть дело. Это было мое дело, которое я очень любил. И я очень

любил выигрывать... Получая награды на пьедестале, мы испытывали чувство гордости, гордости за страну. А деньги... после первой Олимпиады премия была 1624 рубля, после второй – в Мюнхене вручили 960 марок ФРГ, а в Москве – 2750 рублей. Мой сын как-то недавно сказал: «Не в то время ты, папа, родился... Сейчас бы с такими результатами на «Лексусе» ездил...»

В 1976 году предстояли две Олимпиады – зимняя в австрийском Инсбруке и летняя в Монреале. А зимняя Олимпиада особенная – здесь каждая медаль на особом счету. И вот Павлову докладывают, что выдающийся тренер, который готовит запланированных чемпионов, Станислав Жук, «вошел в пике» и несколько дней его не могут найти.

Молодой тогда сотрудник отдела хоккея Игорь Тузик был вызван в кабинет к председателю для разговора о подготовке хоккеистов. Обсуждались какие-то мелкие вопросы, шло обычное рутинное совещание, и вдруг – стук в дверь, она мгновенно открывается и появляется... Жук. Вид у него, мягко говоря, был несколько помятый. А в тот период уже была установка – «дать бой зеленому Змею Горынычу».

«Павлов встал из-за стола и пошел навстречу Жуку, так, мол, и так, Станислав Алексеевич, все-таки мы готовимся к Олимпиаде, – вспоминал Тузик о том разговоре, – а у тебя что-то не в порядке, вроде бы и со здоровьем. «Сергей Павлович, в чем проблема? – спросил Жук. – Вас беспокоит подготовка и в какой я форме?» И тут Жук с места, как был в брюках и какой-то тужурке, вдруг сделал... переднее сальто. Если бы он сделал заднее сальто, то это было бы так, ничего особенного. Но переднее сальто, даже будучи в хорошей форме, без «пике» в пол немногие могут исполнить. А Жук еще и притопнул, и руками исполнил какой-то элемент из цыганочки.

Сергей Павлович смотрел на это несколько ошеломленно и ничего не смог сказать, только рукой махнул – ладно, но чтобы это было в последний раз. Все, к Олимпиаде готовимся... «Не беспокойтесь, Сергей Павлович, будут у нас медали», – заявил Станислав Алексеевич и после этих слов был отпущен без всяких нотаций или внушений».

Медали, кстати, действительно были, в том числе и у учеников Жука.

Станислав был яркой личностью, но у него были проблемы в борьбе с «зеленым». И Смирнов, как первый заместитель, писал бумагу примерно такого содержания: «Я, как коммунист, ручаюсь, что такой-то и такой-то будет вести себя за границей достойно,

политического убежища не попросит». Станиславу он такую бумагу показывал – вот, ручаюсь, не подведи. Жук держался, его ученики выигрывали медали, он привез Смирнову на память какой-то галстук с обезьянами и пальмами.

Почти такая же история была с Валентином Манкиным, на которого кто-то написал донос, что он собирается после Игр остаться в Израиле. Валентин выиграл на трех Олимпиадах «золото», а мог бы стать невыездным и сидеть в Киеве и, в лучшем случае, тренировать мальчишек на Днепре.

А вообще, чтобы завоевать расположение, доверие Павлова, нужно было дать, в первую очередь, результат, быть наверху. Если председатель видел, что ты действительно работаешь, а не просто плывешь по течению, тебе не просто везет, то можешь рассчитывать на его поддержку. Человек, который с пониманием, творчески относится к своей работе, пытается что-то новое внести в системы подготовки, корректирует свою деятельность, становился для него уважаемым человеком. Очень уважаемыми людьми в спорте были для него тренеры.

Павлов реально смотрел на положение вещей, не требовал от спортсменов, более высоких результатов, чем они могли показать. Он не казнил людей за неудачи, никогда не распекал спортсмена. Он мог спросить с других, почему так случилось. А к спортсменам относился уважительно, и те его любили, просто обожали. В том числе и за то, что он им помогал. Кстати, перед стартами он не ходил в раздевалки в отличие от некоторых коллег, которые считали, что похлопыванием по плечу они всерьез ободряют спортсмена. Спортсмены потом шутили, что от таких доброжелателей плечо болит. Зато в случае успеха он был первым на пороге раздевалки после награждения. И радовался абсолютно искренне. Спортсмены для него были настоящими героями.

Виталий Смирнов вспомнил историю Юрия Власова, который после великолепной спортивной карьеры перешел на литературные хлеба. А литература – дело не очень-то прибыльное, и заработков быстрых здесь не бывает. Павлов сумел добиться для него ставки, высшей ставки спортсмена, рублей пятьсот, министр получал столько. Юрий Петрович всегда говорил: никогда не забуду Сергея Павловича, если бы не он, не смог бы я стать писателем... Вообще не припоминаются имена спортсменов, которые были бы Павловым обижены... Принимал он спортсменов не формально, а по-человечески. Да, он был членом ЦК КПСС, был депутатом Верховного Совета СССР, а школу общения с людьми прошел в комсомоле.

Для него спортсмены были такими же представителями народа, как парни, поехавшие на БАМ. Другое дело, что серьезной

системы подготовки спортсменов к жизни после спорта, скажем, переподготовки, до Павлова попросту не существовало. При Павлове спортсмены обязательно должны были учиться в высших учебных заведениях. Разумеется, учеба шла у всех по-разному, но у каждого была определенная сумма знаний, которая все-таки позволяла смотреть в будущее. Но на восемьдесят процентов это была еще та учеба. Тот же Анатолий Тарасов говаривал: «Если учеба мешает спорту, то брось ее». Часто спортсмены и в самом деле учились лишь формально. Создание школ тренеров не было открытием Павлова, они существовали и до войны, закончил такую школу и Анатолий Тарасов. Но теперь бывшие спортсмены сидели ежедневно по 6–8 часов за партой и за два года по-настоящему проходили тот курс, за который они уже имели «зачеты». Правда, теперь это уже было иное качество знаний.

В 1979 году по распоряжению Сергея Павлова был создан первый компьютерный центр, который работал во время чемпионата мира по хоккею в Москве. Его «крестными отцами» были Борис Майоров, возглавлявший Управление хоккея в Спорткомитете, и его друг, знаменитый академик Станислав Шаталин, поклонник футбола и хоккея. Был связан с этим проектом и Павел Павлов – сын председателя, который остался в инфизкульте в аспирантуре.

Бывало ли, что кто-то попадал к Сергею Павловичу «на ковер»? В общем, случалось. Это было, мягко говоря, очень неприятно. Как только он нахмурит брови, сразу становилось не по себе. Какого-то мата, истерики никогда у него, естественно, не было, но голос становился жестким, суровая манера была. Но он быстро отходил. Вторая половина беседы уже шла в ином ключе – а как ты считаешь, в чем дело, почему проиграли, что нужно исправить и прочее, прочее. Ему важно было вместе с собеседником дойти до причины поражения или неудачи.

«Иногда он впадал в гнев, но вел себя даже в такой ситуации как нормальный, цивилизованный человек, – вспоминал Смирнов. – Мог повысить голос, даже стукнуть кулаком по столу, но никогда не матерился. По крайней мере публично. Как любой русский человек, наверное, обладал в этом отношении большим словарным запасом, но держал себя в рамках. А уж тем более, никогда не унижал, не оскорблял людей».

После церемонии открытия зимней Олимпиады в Лейк-Плэсиде ему пришлось вызывать к себе на разговор Александра Тихонова – выдающегося биатлониста, который нес флаг СССР на параде.

«Нести флаг – очень высокая честь, и я был по-настоящему горд этим доверием, – вспоминал Тихонов. – Нас, знаменосцев,

собрали на специальный инструктаж, объяснили, что и как будет происходить, выдали такую специальную штуку, в которую нужно вставлять древко, в руках нести все-таки тяжело. Ну и сказали, что, поравнявшись с главной – президентской – трибуной, надо будет наклонить флаг вниз, так сказать, сделать «поклон». Но одно дело, если бы он предназначался только руководству МОК, а тут – перед американскими руководителями, которые без остановки выступали с антисоветскими заявлениями, в том числе и на сессии МОК... Вышли мы на маршрут, рядом две ассистентки – наши выдающиеся тренеры Елена Чайковская и Татьяна Тарасова, сзади руководство, все как положено. Но уже на дорожке я вынул флаг из этой самой подставки, вспомнив, как несли флаг великие наши чемпионы прошлых лет. Мне сзади кричат: флаг наклони. А я, не наклоняя полотнища, прошел впереди делегации. Потом со мной устроили собеседование».

Ну, а Павлов – к тому времени он был уже главой НОК СССР – только посоветовал Тихонову думать о предстоящих стартах. Никаких замечаний, никаких выговоров – многократный чемпион мира и Олимпийских игр в конце концов имеет право на проявление своих эмоций. Тем более что он был в том самом самолете, который подвергся опасности катастрофы при заходе на посадку в аэропорт Нью-Йорка. Тогда из-за раздутой антисоветской кампании якобы забастовали работники аэропорта. На мой взгляд, можно выражать по-всякому свои эмоции, но подвергать опасности жизнь людей – это переходит всякие границы. Так что состояние не только Тихонова, но и всех остальных спортсменов сборной СССР можно было понять.

Специального законченного спортивного образования у Павлова, когда он пришел в Спорткомитет, не было. Сам был спортсменом, пусть и не высокого уровня, но пороха нюхнул. Однако не это главное – он прошел основную школу в комсомоле, в ЦК комсомола. А на высокие должности шли люди разносторонне подготовленные, настоящие политические государственные деятели. В спорт он пришел уже сложившимся политиком и государственным деятелем. За годы общения с коллегами по спорту он многому научился и отличить правильное направление работы от неправильного мог практически безошибочно. Однако решение кадровых вопросов оставлял всегда за тренером.

«Тогдашние школы, те же институты, пусть и физкультуры, давали такую подготовку для руководителя, что нынешние школы МВА по сравнению со школами комсомольского актива выглядят, как техникумы, – с улыбкой вспоминал двукратный олимпийский

чемпион по фехтованию Марк Ракита. – Сама работа в комсомоле давала блестящую подготовку в области менеджмента. И Павлов был как раз великолепным «управленцем», к тому же государственнымником. А это уже высшая ступень для менеджера, не каждому президенту самой большой фирмы дается талант мыслить в масштабах такой огромной страны».

В 1974 году энергичного преподавателя института физкультуры, а по совместительству и консультанта хоккейной команды «Крылья Советов» по методической научной деятельности, Вячеслава Колоскова, который готовил кандидатскую диссертацию, вызвали в Спорткомитет. Речь шла о работе в отделе хоккея на должности тренера-методиста. Естественно, представили новичка председателю Комитета, тот пожелал удачи, сказал, на какую отдачу от него рассчитывает, и знакомство на этом закончилось. До поры до времени. А потом начался рост молодого сотрудника, судили по результатам. С подачи Павлова он стал начальником Управления хоккея. Но встречались они ежедневно с Валентином Сычом, которому Павлов доверял безоговорочно. С председателем встречи были обычно накануне или после серьезных международных соревнований. Он не вмешивался в работу – спрашивал, как идет подготовка, нужна ли какая-то помощь. Именно Павлов сумел «пробить» такую революционную меру, как материальное вознаграждение спортсменам.

В семидесятые годы шкала ценностей была иной. Моральные ценности все-таки выходили на первый план. Но при этом они как-то сочетались с прочими. Руководство Спорткомитета, и прежде всего Павлов, жило на земле и понимало, что спортсмен должен быть уверен в своем будущем и после ухода из спорта. Молодой человек был счастлив, имея твидовый пиджак, а на лацкане – значок «Мастер спорта». Причем о значке тогда мечтали больше, чем о пиджаке. А что говорить о знаке «Заслуженный мастер спорта»! Это означало, что ты относишься к суперэлите. Но жить-то надо, у всех семьи, различные бытовые проблемы, и Павлов делал все возможное, чтобы они решались. Кстати, именно по его инициативе появились высшие школы тренеров, где бывшие спортсмены могли получить образование, имея вполне приличные стипендии. Обычно ведущие спортсмены еще год после ухода из спорта получали спортивную стипендию, что позволяло им встать на ноги.

«Насколько я помню, – рассказывал Валерий Борзов, – председатель оказывал постоянное внимание известным спортсменам, привлекая их к общественной жизни, а не только к спортивным мероприятиям. В спортсменах он видел и будущих

лидеров, и руководителей. После окончания карьеры обычно еще год держали на стипендии, если спортсмен обращался с каким-то конкретным вопросом, если у него хватало головы, разума и опыта, чтобы работать, то ему оказывалась конкретная помощь. Довольно много бывших спортсменов стали незаурядными функционерами».

«Руководители бывают разные, – рассуждал Александр Горшков, первый в истории спорта олимпийский чемпион в танцах на льду. – Бывают умные, бывают не слишком умные, бывают чудачки с другой буквы, бывают расчетливые. Павлов, а нам приходилось встречаться неоднократно, был мудрым руководителем. Он принимал решения быстро, казалось даже, на интуитивном уровне, но они оказывались, в итоге, единственно правильными. К этому надо добавить, что Сергей Павлович был весьма эмоциональным человеком, но эмоции не влияли на принятие решений».

После Олимпиады 1976 года, когда была выиграна первая в истории золотая медаль в танцах на льду, Александр и Людмила решили, как говорят, «повесить коньки на гвоздь». Естественно, что о своем решении они должны были сообщить председателю Спорткомитета – хотя бы из приличия, все-таки он сделал для них очень многое. Реакция Павлова была быстрая и не допускала «вариантов» – Александр, будешь работать у меня в Спорткомитете. Уговаривать их остаться на льду не имело смысла, они сделали все, что могли, потратили на спорт столько лет своей жизни, что их нужно было понять. С другой стороны, Сергей Павлович обратил ситуацию в свою пользу: в Комитет все равно требуется молодое пополнение, такими ценными кадрами разбрасываться не стоит, такие как раз и нужны. Людмила стала тренером и знала, что в любой момент можно рассчитывать на помощь не только мужа, но и столь влиятельного руководителя.

Александр пошел по «чиновничьей» линии, стал одним из руководителей мирового фигурного катания.

Волею судеб выдающаяся гимнастка Людмила Турищева, уроженка Грозного, оказалась после развала Союза на Украине. Но ее самые яркие воспоминания о спортивной жизни пришлось на семидесятые годы прошлого столетия.

«Для меня было ясно, что Олимпиада-76 будет последней в моей спортивной карьере, все-таки три Олимпиады – это достаточно много. Так что я все с тренерами просчитала, – рассказывала Турищева, когда мы встретились в Киеве. – И по пути на Олимпиаду я отправилась в Лондон в 1975 году на первый Кубок мира по гимнастике, который оказался и последним. Выиграть его для меня было важно еще и потому, что

это было бы заявкой на награду в Монреале. До Кубка мира на чемпионате Европы блестяще выступила Надя Команэчи из Румынии. А у меня случился сбой на брусьях, нога соскочила, нет, я не упала, но получила 9,3 балла, а в итоге – четвертое место. Так что в Лондоне надо было показать, что это был просто «сбой», как последствие травмы. Надя в Лондон не приехала, и я ее понимала».

Брусья были предпоследним снарядом для Турищевой. Завершать выступление предстояло на бревне. Бревно известно как один из самых коварных снарядов, но срыв-то в апреле был на брусьях. И, естественно, гимнастка волновалась, но не случайно Людмилу знали как очень волевою спортсменку. Как она сама вспоминала, подходя к снаряду, подумала: или я, или брусья. А когда выполнила соскок, то оказалось, что не выдержали брусья. На самом деле уже в конце упражнения она почувствовала, что с брусьями что-то не то, но прервать выступление не имела права, только финальный соскок сделала не такой сложный, как задумали.

Когда Турищева приземлялась и за ее спиной рухнули... брусья, многотысячный зал ахнул. Президент федерации гимнастики Юрий Титов, сам многократный чемпион мира и Олимпийских игр, подал апелляцию. Так, на всякий случай. Оценка была 9,8 балла. Организаторы представили объяснение – разогнулся крюк, к которому крепились растяжки. А крюк был сделан в... Германии. А вот три английских все выдержали. Словом, достоевщина какая-то...

«Но у нас была очень сильная волевая подготовка, мы общались со всеми людьми в Советском Союзе, с населением от мала до велика, – вспоминала Турищева. – Я чувствовала огромную ответственность даже перед своими одноклассниками, которые отправляли меня на тренировку, сами оставаясь работать на приусадебном участке в школе. Нас стимулировала честь флага, гимна. У меня настольной была книга «Как закалялась сталь». Сейчас это все раскручивают в обратную сторону, но у меня эта книга была. И я иногда думала – он смог, а почему я не могу? Мне нужно было все перебороть, и морально, и физически. Это был огромный, тяжелый труд, и делать все надо было профессионально».

Каждый вид спорта имеет свою специфику. Та же гимнастика требует сочетания талантов. Талантливый мальчик или девочка могут «погибнуть», если с ними рядом не будет талантливого тренера. Заурядный тренер с талантом не справится, ученик будет опережать его, наставник не будет знать, что делать. Для достижения успеха требуется совпадение талантливого

спортсмена, талантливого тренера и... соответствующей обстановки. И вот объединить все это вместе должны были «оргработники».

Полагаю, что сотрудники Спорткомитета принимали участие и в подготовке Конституции СССР 1977 года, когда впервые были закреплены цели и задачи развития физического воспитания, физической культуры, спорта и туризма. Основной закон в то время рассматривал развитие физического воспитания как дело государственной важности, при этом ставилась задача обеспечения занятиями спортом в любом возрасте на государственных спортивных сооружениях. При этом массовость и доступность были признаны одним из основных условий физического воспитания. Самое главное, что и сегодня это актуально. Разумеется, это были благие намерения, но спортивным функционерам приходилось выполнять «поставленные задачи».

Команда молодости нашей – хоккейная сборная СССР-78 после награждения в Кремле.

В рабочем кабинете, за рабочим столом.

Награждение олимпийцев в Кремле.

Главный спортивный парад.

С немецкими руководителями.

Советскому спорту было кем гордиться.

С. Павлов и Х.-А. Самаранч в гостях у сборной.

Аудиенция у Папы Римского для всех была памятным событием.

После тенниса – Семен Белиц-Гейман, Виталий Смирнов, Сергей Павлов, Виктор Голенко.

Два друга – Юрий Ельченко и Сергей Павлов. Дома.

Стадион в Лужниках был родным.

С руководителями МОК.

Всех олимпийцев он знал по именам.

Людмила Турицева.

Марк Ракита.

Александр Тихонов.

Валерий Борзов.

Елена Чайковская.

Галина Горохова.

Станислав Жук.

Сергей Вайцеховский.

Владимир Коваль, Виталий Смирнов, Сергей Павлов.

Николай Русак, Виталий Смирнов, Сергей Павлов.

Президент МОК лорд Килланин, Председатель ВС СССР Н. Подгорный, председатель Оргкомитета Олимпиады-80 И. Новиков, президент НОК СССР С. Павлов.

Встреча с президентом МОК.

Президент МОК лорд Килланин объявляет с балкона Колонного зала в Москве об избрании маркиза Самаранча новым президентом МОК.

Последний парад. Открытие Московской Олимпиады.

С. Павлов вместе с Х.-А. Самаранчем в ДЮСШ Москвы.

Х. А. Самаранч и С. Павлов вручают олимпийский орден Елене Мухиной.

Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР Сергей Павлович Павлов.

А теперь поднимайте футбол

В 1979 году успешно стартовал хоккейный сезон, и начальник Управления хоккея Вячеслав Колосков поехал в отпуск на неделю вместе с тестем достраивать дачу на четырех сотках под Звенигородом. Сидя на крыше, которую надо было перекрыть до начала затяжных дождей, он увидел, как подъехала серая «Волга», на которой обычно ездил Валентин Сыч. Водитель сказал, что его послали привезти Колоскова на встречу к Сергею Павловичу, причем побыстрее, разрешено только заскочить по пути переодеться (тогда таких, как нынче, пробок в Москве не было).

«Прошел я к нему в кабинет, а он мне сразу, только поздороваться успели, говорит: принято решение перевести вас на должность начальника Управления футбола, – вспоминал Колосков. «Как же так, говорю, вроде бы у меня в хоккее все получается...» А он мне в ответ: «Вот поэтому вас и переводим, в футболе у нас ничего не получается. Три цикла подряд наша сборная не попадает ни в финал чемпионата мира, ни в финал чемпионата Европы». Так сказать, сразу обозначил задачи. И добавил: «Я вашу биографию знаю, вы сами больше футболист, чем хоккеист, тем более что обсуждать нечего – решение ЦК по этому поводу состоялось, с сегодняшнего дня и приступайте».

На самом деле Павлова беспокоил результат нашей сборной на грядущей московской Олимпиаде, и лучшей кандидатуры на пост руководителя футбола он в тот момент найти не мог. Но после назначения в кабинет Павлова Колосков наведывался редко. Докладывал порой на совещаниях, как идет подготовка сборной, что происходит во внутреннем чемпионате. И на этом все – работайте. Задачу футболисты, в общем, не выполнили – 3-е место, но разноса не было никакого. Разговор уже после Олимпиады, причем в довольно узком кругу, шел о будущем советского футбола. Колосков доложил о своем видении решения проблемы, о перестройке системы чемпионата, о методике. Хороший разговор получился. Все-таки Вячеслав Иванович был весьма квалифицированным специалистом, прекрасно разбирался в методике, в системе подготовки и оказался еще и хорошим организатором. И в Управление он приглашал сильных специалистов, поддерживал ветеранов, начиная со Льва Ивановича Яшина, что давало ему возможности для дополнительных маневров. Тогда же было принято решение «двигать» Колоскова в руководство ФИФА. Надо сказать, весьма дальновидное решение, последствия которого, в положительном смысле, мы и сейчас время от времени ощущаем.

Писали ли на Павлова анонимки? Конечно, писали. Сначала простые анонимки шли в дело, потом, когда анонимные письма стали встречать негативное отношение и их перестали разбирать, хотя и не уничтожали, все-таки речь шла о слишком ярком лице, начались подписные доносы. Технология была проста – в первой фразе кляузник писал: «Как принципиальный коммунист, верный Уставу КПСС, считаю своим долгом поставить в известность...» Больше того, в конце подписывался, но знал о своей безнаказанности. Кто же «принципиального коммуниста» накажет за «верность Уставу»?! А вообще тогда в спорте, да и не только в нем, проблемы были с системой доносительства и с системой КГБ. Но они были не только вчера, но и позавчера, и во все времена. Страна у нас такая, независимо от того, как она называется. Доносы вообще-то пишут везде, даже в Африке, но у нас, к сожалению, реагируют на них чаще и жестче.

Павлов был энергичным человеком, ему хотелось постоянного движения вперед. И это было как в переносном смысле слова, так и в буквальном. Он поддерживал себя в хорошей спортивной форме. Регулярно играл в теннис, правда, не искал встреч на корте с какими-то власть предержащими деятелями. Работая в комсомоле, зимой вместе с космонавтами и коллегами играл в хоккей.

Московская Олимпиада

Ситуация с московской Олимпиадой была особенная. И требует отдельного осмысления.

Оргкомитет московской Олимпиады возглавлял Игнатий Трофимович Новиков, руководитель Госстроя СССР, близкий друг Брежнева. И Брежнев, прекрасно понимая, что Олимпиада потребует колоссальных усилий, прежде всего в области строительства, бросил его на этот участок, считая, что только он сможет его вытянуть. Кстати, Госстрой Новиков возглавлял с 1962 по 1983 год. А Оргкомитет – с 1975 по 1980. Вообще-то он должен был за Олимпиаду получить вторую Звезду Героя Социалистического труда, и это было вполне заслуженно. Мог претендовать на Звезду и Павлов – результат-то был потрясающий. Но американский бойкот все испортил.

Практически во всех странах, где проводится Олимпиада, в какой-то момент Оргкомитет выходит на главные роли, а организация, руководящая спортом, уходит как бы в тень. И тогда между руководителями двух ведомств возникает своеобразная ревность. И у нас была такая же ситуация. Игнатий Новиков решал множество вопросов, его заместитель Виталий Смирнов, тогда уже член МОК, постоянно был на виду. Павлов не подавал виду, что это хоть в какой-то степени его задевает, но...

Новиков был личным другом Брежнева, и все руководители это знали, а потому и держались с ним соответствующе. Он мог позвонить по аппарату ВЧ и спросить: «Николай, ты чем занят?» Министр отвечал, что проводит коллегия. «Пусть дальше ее твой заместитель проводит, а сам приезжай сейчас ко мне. Дело есть». И министр внутренних дел мчался к Новикову.

И вот, как это обычно случается при всяких «дворах», кто-то заметил, что между руководителями Спорткомитета и Оргкомитета наметились какие-то трения. И довольно быстро «подкатились» доброжелатели с предложением к Новикову: а не убрать ли Павлова, куда-нибудь его «передвинуть». «Мы можем организовать лучшую Олимпиаду, можем построить лучшие сооружения, но, если мы проиграем, нам никто этого не простит, – мудро ответил Игнатий Трофимович. – Чтобы ни одного волоса с головы Павлова не упало...»

Эти слова вспомнил Александр Козловский, который был помощником Новикова, а помощники порой бывают ближе к «шефу», чем даже первые заместители.

И вопрос о «передвижке» Павлова был закрыт сразу и окончательно. На тот момент...

Личное знакомство Козловского с Павловым состоялось при самых необычных обстоятельствах – в сауне, на спортбазе в Эшерах, в 1976 году. Сразу после Олимпиады в Монреале там было назначено совещание министров спорта социалистических стран. Козловский завершил свою карьеру в ЦК ВЛКСМ и был рекомендован на работу в Оргкомитет московской Олимпиады, которая должна была состояться в 1980 году. Так что приглашение на то совещание было вполне естественным. «Наставником» Козловского был Виталий Смирнов.

В сауне, где все, естественно, были в костюмах Адама, Смирнов, который даже в такой ситуации всегда называл Павлова только Сергей Павлович, вдруг говорит ему: «А чего думать-то, спросите у Александра Александровича, он вам погадает...» Тот поинтересовался – с чего бы это он такое может? «А он – цыган».

У Козловского отец действительно был цыганом и до пятнадцати лет жил в таборе. Затем закончил военное училище, потом академию и погиб капитаном первого ранга в последние дни блокады Ленинграда. И хотя Александр Александрович сам в таборе не был и отца своего практически не знал, по молодости, ухаживая за девушками, эксплуатировал свои «корни». Как сейчас говорят, такой у него «прикол» был – гадать.

Возвращается после бани Козловский в свой номер, а там сидит Павлов и ждет его.

– Александр Александрович, это правда, что вы – цыган?

– Да.

– И погадать можете?

Отступать некуда, хотя и прекрасно знаешь, с кем имеешь дело.

– Понимаете, карт у меня нет, так что могу только по руке...

«Смотрю левую руку, – рассказывал Козловский, – правая у него была рабочая, а потому можно смотреть по левой. И начинаю говорить, что будет. А выходило, как в опере Мусоргского «Хованщина», там Марфа в сцене гадания поет: тебя ожидает опала и удаление в дальнем краю. Ему я сказал: все, мол, будет хорошо, это будет почетно, достойно, но вам будет тесно, скучно, будет полная смена обстановки, но это будет не ваше... Он так грустно на меня посмотрел, я ему сказал, что за гадание ничего не говорят, ни спасибо, ни вопросов не задают... Услышали – и все... И хотя это был гигант, познавший и взлеты и падения, бывший на краю, на острие, в нем вдруг открылась абсолютно человеческая, детская непосредственность».

«Павлов был, не хочу употреблять затертое ныне слово «великий», – рассказывала многократная олимпийская чемпионка Галина Горохова, – большой, настоящий государственный

деятель. А когда он после комсомола пришел в спорт, то стал именно государственно-спортивным деятелем, сделал спорт делом государственным. Именно при нем окончательно сформировалась и укрепилась в спорте система, которая позволила нашему спорту подняться и многие годы оставаться на высоте. Практически со всем миром боролась одна команда. Он многое сделал как раз и для развития физической культуры, и для спорта высших достижений.

Для Павлова все-таки на первом месте была работа, при этом на равной позиции был результат. Но результат давали люди, и он их ценил прежде всего за целеустремленность, за работу. И это, справедливо говоря, было абсолютно правильным подходом».

Если для достижения результата возникало препятствие, то он активно вмешивался, чтобы его устранить. Сейчас Марк Ракита возглавляет российское отделение общества «Маккаби». Для самого Ракиты никогда не было вопроса, с кем, со спортсменом какой национальности он находится рядом, живет, тренируется, выступает в одной команде. Не секрет, что в разные годы в различных сферах пресловутый «пятый пункт» был серьезным препятствием в карьере. И, когда мы говорили о системе Спорткомитета во времена Сергея Павлова, я спросил напрямую: «Тогда были проблемы с «пятым пунктом?»

«Когда выступал, не было. При Павлове об этом и речи не могло быть. А вот потом приходилось сталкиваться. И невыездным был, это сейчас молодежь не знает, что это такое – не иметь загранпаспорта и возможности ездить по белому свету. Чувствовал это и в «наградной ситуации». У меня были два ученика – в фехтовании так принято говорить – Виктор Кровопусков и Михаил Бурцев. Они выигрывали все, что можно, а потому и были представлены к правительственным наградам – достижения у них были действительно выдающиеся. Кровопусков получил орден Ленина, а по тогдашней практике тренер должен был получить на ступеньку ниже. Это означало – орден Октябрьской революции. Мне очень хотелось сравняться с моим отцом, у которого он был, но в итоге я получил «Знак Почета». Вопрос государственных наград решался в другой организации. «Знак Почета» – тоже хорошо, тем более что премиальные, а они были в ведении Спорткомитета, выдали без каких-то ущемлений.

...Рычаги воздействия тогда были иные, чем сейчас, – рассказывал Ракита. – Это сейчас все сводится к деньгам и только. А тогда была масса ценностей, которые учитывались и нами, спортсменами, и многими другими. На первом месте была Родина, общество, государственные награды, ну а потом, конечно,

и деньги. И Павлов умело манипулировал своими возможностями. Он учитывал все варианты, начиная с морального стимулирования и кончая возможностью, скажем, купить машину. Тогда это весьма ценилось. Не говоря уже о том, чтобы получить жилье».

После выигрыша очередного чемпионата мира Борис Михайлов решился на необычный шаг. Он узнал, что команду предполагают наградить. А после выигрыша чемпионата мира обычно Спорткомитет выделял квоту на приобретение «сборниками» автомашин. Михайлов узнал, что и ему выделили «Волгу», и он решился попросить тренера Бориса Кулагина и тогдашнего «зампреда» Валентина Сыча сходить к Павлову и попросить его помочь улучшить жилищные условия – они жили вчетвером в двухкомнатной квартире, а от машины он отказывается. Сыч отнесся к этому с пониманием и отправился к Павлову – тогда такие вопросы можно было решать только с привлечением главных сил. Условно говоря, по такому вопросу к председателю Моссовета мог обратиться только председатель Спорткомитета. И хотя Павлов не любил «одадживаться», вопрос надо было решать. Чемпионат завершился то ли в конце апреля, то ли в начале мая, но в начале августа Михайлову уже предложили поехать посмотреть трехкомнатную квартиру. Свою старую квартиру он, разумеется, сдал.

Такое было время – семидесятые годы прошлого столетия. Впрочем, и сейчас многие звезды не отказались бы от такой помощи со стороны властей.

Кстати, об отношении к людям, которое сумел привить своим сотрудникам Павлов, говорит ситуация с телеграммой в Москву после знаменитого выигрыша Кубка Канады в 1981 году. Сыч, руководивший делегацией, поехал в Оттаву, чтобы из посольства отправить телеграмму-рапорт на имя Леонида Брежнева. Такая телеграмма обычно шифровалась и посылалась не только адресату, но и во много других организаций, начиная от всех членов Политбюро и руководства Совета министров. Сейчас это вызывает улыбку, но не спешите смеяться. Тогда было такое время.

Посол СССР в Канаде Александр Яковлев, который позже стал «правой рукой» руководителя перестройки, начал было возражать – зачем отправлять такую телеграмму, это уже не модно. Сыч париловал просто – а как нам в Москве «выбивать» для ребят, которые здесь бились, нормальные условия для жизни, те же квартиры, машины... Из Канады многое виделось иначе, до отъезда в Северную Америку Яковлев был «номенклатурой» ЦК

КПСС и жил не в таких условиях, как остальные граждане. Да и вернувшись, не с «нуля» начал новую жизнь. Он, как всегда, руководил.

Спортсмены – люди довольно чувствительные и быстро ориентирующиеся в любых обстоятельствах. При Павлове они быстро почувствовали, что их дело, их работа нужны стране. Они стали настоящими профессионалами, но все равно была и система контроля за работой в сборных командах. Все было на виду, в спорте поощрялся широкий обмен мнениями среди специалистов.

Все было нацелено на результат. И ради него порой тренерам приходилось идти на всякие ухищрения... В период подготовки к московской Олимпиаде Ракита всегда играл с Кровопусковым и Бурцевым в преферанс. Конечно, это непедагогично – тренеру играть с учениками, но... Он делал это в субботу и в воскресенье, чтобы они в эти дни не ходили к кому-то выпивать. «Дружков-то много. А при мне они пить не могли, да и играть им было настолько интересно, что оторваться не могли. Заканчивалась игра в одиннадцать вечера – тогда уже пойти выпить было некуда, да и вообще некуда податься – ночных клубов не было. Так что они ложились спать, а все это способствовало лучшей подготовке».

Павлов понимал, что своими делами доказал – ему можно доверить большие государственные проекты, но «наверху» было тесно, всем мест не хватало, да и «суслятина» на него зуб точила, и других недоброжелателей хватало, а порой и друзья оказывались на поверку с гнильцой. Увы, количество святых осталось прежним, население на Земле растет, а потому и святые встречаются теперь все реже. Так же, к сожалению, обстоит дело и с порядочными людьми.

«По своему уровню, по позициям, которые он занимал, по уровню мышления, не говоря уже о человечности, он был, конечно, выше того же Суслова, – считает Галина Горохова. – Он мог с ним в каких-то вещах не соглашаться. Так что по сумме поступков он выходил из-под контроля. А такое не прощают».

Еще одним «доброжелателем» был секретарь МГК КПСС, член Политбюро Виктор Гришин, с которым отношения были натянутыми еще в «комсомольский период». Теперь столкновение произошло из-за футбольного «Спартак». Любимая партийным боссом московская команда в 1976 году вылетела из высшей лиги в первую из-за низких результатов. Все честно, по спортивному принципу, по спортивному закону. И вот Гришин написал «записку», чтобы «Спартак» оставили в высшей лиге, у команды,

мол, были огромные заслуги и т. д. Некоторые члены Политбюро, которым, по большому счету, «Спартак» был безразличен, решили все-таки поддержать Гришина. Так сказать, корпоративная солидарность.

Вызвали на заседание Павлова. Материалы для Сергея Павловича готовили несколько человек, в число которых входил и Вячеслав Иванович Колосков, он и рассказал мне, как было дело. Дали слово Павлову, и он со своим красноречием, с прекрасно подготовленным материалом начал доказывать, что ни в коем случае нельзя соглашаться с этой «запиской». Нельзя создавать в спорте прецедент нарушения закона. Если на следующий год вылетит из-за плохой игры «Динамо», то, по прецеденту, мы должны будем оставить и этот клуб, также имеющий огромные заслуги. И у ЦСКА не меньшие заслуги. В общем, в резкой, даже можно сказать, в категоричной форме, он выступил против могущественного члена Политбюро. Доказал правоту спортивного принципа. Некоторое время спустя и это ему припомнили.

Лидер, конечно, должен обладать харизмой, но она складывается из суммы талантов. У Павлова, помимо организаторских способностей, был талант сохранять искренность в отношениях с любыми людьми. Разумеется, у него и возможности были иные, но он умел ими пользоваться во благо общего дела. Сначала с семьей Ади Дасслера, основателя знаменитого “ADIDAS”, у него были чисто деловые отношения – нам требовалось оборудование высокого качества, которое выпускала фирма, а затем уже завязалась настоящая дружба. Павлов подружился с президентом НОК Лихтенштейна, членом МОК бароном Эдуардом Фальц-Файном, президентом НОК Германии Вилли Дауме, немецким предпринимателем Бертольдом Байтцем, возглавлявшим фирму «Крупп», послом Испании в СССР Хуаном-Антонио Самаранчем, ставшим затем президентом МОК. Причем эти добрые человеческие отношения продолжались и после его ухода из спорта и отправки на пенсию.

«Я могу сказать, что при Павлове была диктатура в спорте, – рассуждал Борис Михайлов. – То, что говорил руководитель Спорткомитета, спускалось вниз. То же самое в команде: слово тренера – закон. И руководитель Спорткомитета поддерживал такую дисциплину... С анархией ничего не добьешься. А разумная диктатура помогает достичь высоких целей. Без дисциплины ничего не будет, какие бы мастера ни были в команде. Сегодня, если нет дисциплины, то нет и выполнения задач, решение которых возложено на каждого игрока. Просто так мы ничего не добьемся».

Что такое демократия, Борис Михайлов увидел в 1972 году,

когда приехал на знаменитую Суперсерию. Тогда в моде были демонстрации против Советского Союза в связи с пражскими событиями, после которых прошло уже четыре года. Возле гостиницы в Монреале ходили демонстранты в полосатых пижамах, они прошли и на стадион, кто-то купил им билеты. Галдели они громко и справа и слева, но полицейские были спокойны, поскольку никто из демонстрантов в подтрибунный коридор не совался. Они знали, что там полицейские могут отчехвостить так, что как маму зовут, забудешь. Вот там сразу стало ясно, что демократия – это строжайший порядок. Вот здесь – галди, делай что хочешь, а вот здесь – ни-ни. И все становится на свои места.

Павлов понимал спортсменов, всячески старался им помогать. А чем тогда можно было помочь? Те же премиальные устанавливал Минфин по своему усмотрению. А «усмотрение» у него было своеобразным. Так, во время турне по Канаде и США нашей хоккейной сборной против клубов НХЛ можно было каждого, в случае успеха в матче, премировать 200 долларов США, но в сумме – не больше 800 долларов?! Играть-то ездили на шесть матчей. Выигрывали серию обычно 4:2. Больше не требовалось. А вот почему максимум был в 800 долларов? Очень просто – никто из советских граждан не имел права получать больше... посла. А у того зарплата была 900 долларов.

«Спортсмены Сергея Павловича очень любили, причем искренне, – вспоминала Елена Вайцеховская. – Я с ним впервые лично столкнулась на Олимпиаде-76 в Монреале. Часа за четыре до начала парада мы оказались на каком-то пространстве, и за первый час я дико стерла ноги. Стала спрашивать, нельзя ли с этого мероприятия уйти, а в ответ – ни в коем случае, это совершенно невозможно. Только по распоряжению Павлова. Я сняла свои новые форменные туфли и босиком подошла к Павлову, он был вместе с нами. Сказала ему, что даже просто стоять в них не могу. Реакция была молниеносной – быстро в Олимпийскую деревню, никакого парада. Он понимал вообще всех спортсменов и разбирался в ситуации молниеносно».

В то время все выдающиеся тренеры были ненормальными с общепринятой точки зрения. Ради результата они были готовы пожертвовать, чем угодно. Для них главным был результат. К счастью, и по сей день есть тренеры «той» закалки, для которых также важен результат, пусть и не любой ценой.

Особым патриотизмом отличалась сборная пловцов. Так, у них первых появилось свое знамя, как раз перед матчем с ГДР. Просил Павлова об этом Вайцеховский, чтобы на старт шли как в последний, решающий бой. Павлов поинтересовался: а если

проиграете? «Тогда я застрелюсь». Павлов приехал в команду, сам вручил знамя. И ведь выиграли! По нынешним временам это выглядит для кого-то смешно. Но тогда это воспринималось органично, и все действительно чувствовали себя той самой командой, которая не может отступить, которая создана, чтобы выигрывать.

От «Комчванства» до «Комхамства»

Какой была ситуация, когда к власти пришел Горбачев и ему не надо было, хотя бы для сохранения традиций, кивать на Андропова или Черненко? Почему стало разваливаться все, начиная с промышленности? Один из моих собеседников вспомнил шутку: утром собираюсь на работу, ищу штаны, не нахожу и спрашиваю жену: не видела ли она их? А в ответ: знаешь, они старые, я их выкинула. – А где новые? – А я их не купила... Вот такой у нас была горбачевская перестройка. Помощники у него были неглупые, но они были похожи на комсомольцев двадцатых годов – одержимы идеей разрушить все до основания. Вот только как строить, они не знали и не умели. Правда, были и такие, которые просто имели определенную цель разрушить, прежде всего моральные ценности. Эти входили в ближайшее окружение Горбачева, а потом и Ельцина. Так убивалось сначала чувство патриотизма, затем пересматривалась история, шел период всеобщего оглушения, который параллельно сопровождался периодом «большого хапка».

Что касается спорта, то Горбачев, человек сам по себе чванливый, равнодушный ко многому, им никогда и не интересовался. И это почувствовалось довольно скоро... Хуан-Антонио Самаранч был избран президентом МОК в Москве в 1980 году, много раз приезжал в столицу, но ни разу не был принят Горбачевым. Один из ставропольских друзей Горбачева признался, что это было под влиянием Раисы Максимовны, которая сказала: «Ты теперь такой большой человек, тебе негоже встречаться с каким-то физкультурником...» А Павлову, скорее всего, он не мог забыть, что Первый секретарь ЦК ВЛКСМ никоим образом не выделял первого секретаря ставропольского крайкома комсомола, который был в этой роли в 1955–1962 годах. Вообще в тот период партийное хамство было весьма распространенным явлением, особенно в отношении людей, являвшихся яркими, заметными личностями.

Можно сказать, что первоначальный развал государства начался при Горбачеве, но этот процесс был назван шустрými сотрудниками из отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС словом «перестройка». Для настоящей перестройки требовались иные лидеры, иные кадры.

Естественно, дело дошло и до спорта, но система, созданная Павловым и его командой, оказалась настолько прочной, что единым махом ее развалить не удалось. В ход был пущен лозунг о необходимости повышения массовости, развития физической

культуры, сопровождавшийся как раз разрушением условий, необходимых для занятий физической культурой. Да и люди, занятые спортом высших достижений, не могли понять, что от них требуется – они полагали, что нужны успехи, победы на соревнованиях, упрочение престижа державы... Наивные люди...

Сергея Павловича Павлова удаляли из Спорткомитета похамски. К приезду секретаря ЦК КПСС Михаила Зимянина собрали членов коллегии, но Павлова даже не пригласили. И это при том, что именно при его руководстве были достигнуты блестящие результаты. Но, видимо, слово доброе и не планировалось. Лишь в 2004 году Бюро Исполкома Олимпийского комитета России решилось наградить Сергея Павлова почетным знаком «За заслуги в развитии олимпийского движения в России» в связи с 75-летием со дня рождения (посмертно). А тогда, 17 апреля 1983 года, он просто «сдал дела».

«С приходом Марата Грамова начался развал Спорткомитета, или разгон, не знаю, какое слово точнее в этом случае, – вспоминал Смирнов. – Грамов считал, что у Павлова было много недостатков, прежде всего в подборе людей. И принялся удалять людей из ближайшего окружения Павлова, называя их «одиозными личностями». В их числе оказались и шеф протокольной службы Михаил Мзареулов, и руководитель международного управления Дмитрий Прохоров, и многие другие, кто был связан именно с выездами за рубеж, контактировал с международными организациями. Кто-то жужжал Грамову в ухо, что все беды и безобразия связаны с... зарубежными выездами. Стал Марат Владимирович приглашать на эти места «своих» людей, среди которых оказалось немало заурядных проходимцев... Сам Грамов не был коррупционером, но вокруг него творились большие безобразия».

«Павлов хотя и был, по большому счету, когда пришел в Комитет, человеком не из спорта, но он его полюбил по-настоящему, – делился своими впечатлениями Александр Тимошинин. – Он умел говорить с людьми, вникал в проблемы спортсменов, тренеров, решал их. Спорт надо любить, тогда можно стать хорошим руководителем. А его наследник был человек не от спорта...»

«Мы смотрели, как одного за другим освобождают руководителей, и я ждал, когда настанет моя очередь, – вспоминал Борис Майоров. – Но как-то встретились с Грамовым в коридоре, и он то ли поинтересовался, как идет работа, то ли еще что. Одобрительно кивнул, мол, все в порядке».

И ведь действительно, в хоккейном хозяйстве все было в порядке, система была отработана и не давала сбоев. После

мимолетной встречи показалось, что хотя бы Управление хоккея не тронут, Борис Майоров хорошо справляется со своими обязанностями. Но дней через десять и ему объявили, что он больше не начальник Управления хоккея, надо сдавать дела...

Это был не развал или разгон, это было настоящее разрушение системы.

Для начала, чтобы не подвергать себя излишнему риску попасть под огонь критики за возможные неудачи, новые руководители приняли решение отказаться от участия в Олимпийских играх 1984 в Лос-Анджелесе. Внешне это выглядело как наш ответ американцам за бойкот московской Олимпиады. Так сказать, око за око. Американское решение на самом деле не было спонтанным, оно вынашивалось задолго до 1980 года. Было ясно, что советский спорт вырвался настолько вперед, что Игры 1980 года будут триумфом хозяев и их друзей из социалистических стран. Больше того, зная, как работает пропагандистская машина ЦК КПСС, американцы прекрасно представляли, сколько политических дивидендов будет выдано из этого успеха. А ведь «холодная война» была в самом разгаре. Для воздействия на молодежь успехи в спорте являются одной из первоочередных задач. Американцы в результате сумели зацепиться за ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 года как за удобный предлог для организации бойкота.

И хотя сейчас американцы «хулиганят» по всему свету, как им хочется, в 1984 году нашим идеологам по большому счету зацепиться было не за что. По некоторым данным, просачивавшимся по закрытым каналам, предполагалась идеологическая «обработка» наших спортсменов, чтобы хоть несколько человек решили остаться. Особенно опасалось этого посольство СССР в Вашингтоне, очень не хотелось дипломатам заниматься деликатными делами. Дело дошло до того, что рекомендации в Политбюро относительно нежелательности приезда советских граждан подписывал тогдашний посол в США Анатолий Добрынин. В американском Оргкомитете Олимпиады-84, с одной стороны, вздохнули с облегчением, а с другой, начали строить самые невероятные планы... защиты Игр. Один из его сотрудников, связанный тогда с подготовкой соревнований яхтсменов, несколько лет спустя рассказывал мне, что они совместно с командованием ВМС США разрабатывали меры на случай, если советские подводные лодки войдут в акваторию парусной регаты. Это сейчас выглядит, как бред, но тогда было такое бредровое время.

Для новых руководителей Спорткомитета СССР отказ от Игр был также весьма желательным решением. Кто его знает, как

сложится, как американцы воспользуются достижениями, прежде всего своей фармакологией. У нас же после голосования в Олимпийском комитете – естественно, «единогласно» за то, чтобы отказаться, – один из руководителей республиканского спорткомитета задал вопрос своему коллеге из другой республики: на сколько лет сегодня мы отбросили наш спорт назад?

Об уровне познаний в спорте окружения Грамова говорит забавный случай. Когда один из старых спортивных руководителей посетовал, что, вот, на сборах за границей везде есть шведский стол, а дома у нас трудности с организацией питания, новый начальник Главспортпрома бросил: о чем речь, купим мы вам этот самый «шведский стол». Это ходило как анекдот в Спорткомитете, не говоря уже о том, что сам Грамов постоянно говорил «вылетбол», называя так популярный вид спорта. А названия типа «пульсотахометр» повергали иных в ужас. «Главное, играйте, и чтобы аппетит был хороший», – говорил один из новых руководителей. Можно было бы привести много всяких курьезов из жизни тогдашнего Спорткомитета, но не в этом цель книги, пусть руководителям того времени оценки дают или сама история, или другие специалисты.

«Уход Павлова из Спорткомитета сотрудники восприняли как катастрофу, – делился воспоминаниями Вячеслав Колосков. – Именно при Павлове, вместе с ним были достигнуты самые выдающиеся результаты не только российского, но и украинского, белорусского, казахстанского спорта. Причем не только в зимних, но и в летних видах спорта. Он вывел спорт на уровень интересов государства, и в этом его колоссальная заслуга».

«На мой взгляд, в спорте высших достижений «вертикаль» – это благо, это бальзам роста, – отметил Валерий Борзов. – А в физкультуре бальзам – это горизонталь. Если не будет вертикали, как мы отберем того, кто нужен? Нужно, чтобы работала пирамида от набора новичков и до мастера международного класса. А чтобы она работала, ее надо организовать, обеспечить, сопровождать и систематически контролировать... Если на плечах есть голова и ум в ней, то сочетание, когда немножко демократии и немножко диктатуры, никогда не вредно».

Другое дело, что спорт – это такая машина, которая долго продолжает работать, за один год спорт не развалить. Это – не так просто, как собраться в Беловежской пуще и, как говорят, «с большого бодуна» дел натворить. Для этого много времени требуется. Лет пятнадцать, минимум, будет «большая красная машина» продолжать катиться. Ну, а за двадцать пять с хорошими советчиками, оказывается, можно развалить все, что угодно.

По инерции была выиграна Олимпиада 1988 года в Сеуле. Наши ведущие спортсмены шли к успехам на «запасах», которые были заложены десятилетия назад. Надо сказать, что новые руководители, хотя и с опозданием, но спохватились и кое-кого из «павловской команды» сохранили, даже приглашали вернуться. В этом числе был и Вячеслав Колосков, который продолжал руководить Управлением футбола, и время от времени у нас случались успехи. Достаточно сказать, что сборная СССР стабильно участвовала в финалах чемпионатов мира, чемпионата Европы, наконец, завоевала золотые медали на Олимпиаде в Сеуле.

Сегодня ностальгии по прошлому, обиды на то, что лучшее время ушло, у большинства нет. Может быть, нынешние чемпионы, звезды лучше обеспечены, чем их предшественники, но нет у них того почета, той славы, которую имели спортсмены семидесятых. Сегодняшних чемпионов знает ограниченное количество людей. Может быть, государственная политика такая? Думаю, что это не так. Просто в лихие годы вытравливалось такое слово, как «патриотизм». А раз не в чести патриотизм, то и те, кто бьются за честь державы, оказываются задвинутыми на второй, а то и третий план. А ведь труд, который они вкладывают для достижения успехов, ничуть не меньше, чем прежде. К счастью, сейчас первые лица государства не считают для себя зазорным позвонить иной раз спортсмену, тренеру. Порой просто для того, чтобы поддержать человека. Причем делают это публично. Встреча спортсменов с Президентом или премьер-министром, конечно, нечастое событие, но даже такое «чаепитие» оказывается незабываемым.

Друзей много не бывает

Когда речь зашла о друзьях Павлова, то Борис Майоров задумался и произнес слова, которые обычно говорят об отношениях тренера с игроками. «В Спорткомитете у него не могло быть друзей, могли быть деловые отношения, доверительные, но, если начинается дружба в настоящем смысле этого слова, то это уже идет в ущерб работе».

В первом кругу близких Павлову людей в Спорткомитете следует назвать Валентина Сыча, который пришел вместе с ним из ЦК ВЛКСМ, Виталия Смирнова, Айдара Валиахметова и Владимира Коваля, также пришедших из ЦК ВЛКСМ, Дмитрия Прохорова, Михаила Мзареулова, Вячеслава Колоскова, Бориса Майорова. Это была его «команда», на которую он опирался, с которой принимал важные решения. Постепенно получилось так, что на первые позиции вышли четыре Управления – футбола, хоккея, легкой атлетики и международное. Конечно, огромное внимание уделялось, как говорят, медалеетким видам, которые приносили большое количество наград на чемпионатах мира, Европы и Олимпийских играх.

«С моей точки зрения, жизнь часто сама определяет, на своем ты месте или нет, – делился своими впечатлениями незадолго до своего восьмидесятилетия выдающийся хоккейный тренер Виктор Тихонов. – Разумеется, бывают случаи, когда человека назначают на какую-то должность, не обращая внимания, прошел ли он необходимые ступени роста. Иные справляются с таким назначением. Но это случается только с талантливыми руководителями. Вот сейчас некоторые менеджеры признаются: думали, закончили академию, закончили какой-то американский университет, все знаем, а управлять не можем. Без практики не получается. Больше того, нельзя отрицать все, что было до тебя. Для Павлова работа в комсомоле была той самой практикой руководства. Конечно, были какие-то завихрения по молодости. Так у кого их не было... Но ведь до сих пор мы пользуемся тем, что было построено в Советском Союзе. Разумнее этим надо было пользоваться. Павлов, кстати, когда пришел в Спорткомитет, не стал все сметать... Появилось много молодых ребят, комсомольцев, но они учились у стариков. В хоккее у нас был авторитетнейший человек – Андрей Старовойтов. Так это было имя, имя и в судействе, и в международных делах, его голос везде имел значение. В легкой атлетике авторитетом мирового масштаба был Леонид Хоменков. Много имен можно назвать».

У Павлова было множество товарищей, много довольно

близких в идеологическом отношении людей, коллег. Он охотно общался со всеми, но близко к себе мало кого подпускал. В результате так получилось, что друзей у него было немного. Да и вообще, друзей много не бывает, друзья – это особо близкие люди, проверенные временем, делами, вместе преодоленными трудностями. И эти отношения абсолютно неконъюнктурны, они идут не от разума, а от души.

Павлов был прекрасным другом, а с Гагариным, с его семьей у него были особенно близкие, трогательные отношения, которые не прервались и после гибели первого космонавта в марте 1968 года, явившейся для Сергея Павловича одним из самых страшных ударов. Теплые человеческие чувства связывали его с Германом Титовым, Алексеем Леоновым, Валентиной Терешковой – это были члены первого отряда космонавтов. Павлов очень дружил с Робертом Рождественским, и часто вместе они были первыми слушателями песен Александры Пахмутовой. Кстати, многих своих товарищей он вовлек в спорт, они стали президентами федераций, причем не свадебными генералами, а действительно решали многие вопросы. И в этом у них не было корысти. Леонов возглавил федерацию развития массовой физкультуры и ГТО. Тут никаких заграничных поездок, тут только «пахать» нужно было. Гагарин возглавил воднолыжников – они с Павловым очень любили этот совсем не олимпийский вид, быстро сами стали хорошими мастерами, вот только без значков, поскольку в соревнованиях не участвовали. «Это Павлов поставил сначала папу, а потом и маму на водные лыжи, – вспоминала Галина Гагарина. – Они оба были в хорошей спортивной форме и часами могли ходить за катером. Павлов вообще часто был заводилой в компании».

«В такого человека можно влюбиться в любом возрасте, независимо от того, сколько женщине лет. Он умел в себя влюблять безоговорочно, – искренне говорила Елена Вайцеховская. – Это такой тип мужчины, что вот подходишь к нему в первый раз, он на тебя смотрит, а ты чувствуешь, что ты женщина. Трудно сопротивляться, когда мужчина умеет так смотреть, так разговаривать, так себя вести, так подавать пальто, что чувствуешь от кончиков пальцев до кончиков волос, что ты – женщина. И я подозреваю, что все женщины, которые с ним работали, были в него влюблены. Я не удивилась бы, узнав, что это так.

– Но ведь он этим пользовался, в смысле эксплуатировал их...

– Это все мелочи. Если мужчина нравится, если женщина его уважает, если она смотрит на него немножко или много влюбленными глазами, то она готова горы свернуть. И если он

этим пользовался, то я могу сказать одно – молодец».

То, что у него не было друзей из числа сотрудников Спорткомитета, по мнению многих, умудренных жизненным опытом людей, характеризует его как очень сильного руководителя. Возможно, и были какие-то попытки завязать дружбу, но скорее всего их даже и не было. Он прекрасно понимал, что любые дружеские отношения с сотрудниками могут в любой момент осложнить работу. Он был очень правильным руководителем. Прекрасные отношения – да, но никакой дружбы. Он не допускал никаких слабостей там, где работал, где руководил. Иначе любая налаженная структура может очень быстро рухнуть. Если ты одному человеку по дружбе что-то там простил, или не заметил, или позволил больше, чем другим, то все, крах системы неизбежен. Тут же начинается в королевстве буча.

«Правой рукой у него был Валентин Лукич Сыч, он ему абсолютно доверял, хотя по штатному расписанию не он был у Павлова первым замом, – вспоминал Борис Майоров. – Но насколько я помню, без Сыча ни одно крупное решение не принималось. А вот что касается дружеских отношений, то даже с Сычом они вряд ли были у Сергея Павловича. И то, что он не подпускал к себе никого слишком близко, так правильно делал. Потому что, когда руководитель к себе сотрудника как-то по-семейному приближает, это потом может отразиться на работе».

С Ельченко у него произошел курьезный случай. Юрий Никифорович был у него в гостях, засиделись. И тут Юрий говорит: мне надо торопиться, на поезд опаздываю... А Сергей Павлович: покажи билет, когда он уходит? Тот достал билет, картонный такой прямоугольник. Павлов посмотрел на билет, покрутил в руках и... съел его. «Все, говорит, нет билета, нет проблем». И Ельченко остался до утра.

То, что происходило с Павловым после его ухода с поста фактически министра спорта, выглядело как сведение счетов. Кто это делал – не суть важно, скорее всего, это была «группа товарищей». Из членов ЦК партии он стал членом ревизионной комиссии, не было его в «разнарядке» на избрание депутатом Верховного Совета СССР. Новый руководитель комсомола постарался в Кремлевском Дворце съездов пройти бочком, «скромненько», чтобы на виду не подать ему руки. Но, к счастью, не все были конъюнктурщиками, многие обратили внимание на то, что Юрий Ельченко, занимавший в то время пост секретаря ЦК КП Украины, демонстративно ходил в обнимку с Павловым.

В восьмидесятые годы Павлов был сначала послом в

Монголии (с 1984 года), что приравнивалось к ссылке и забвению. Многие проводили параллель с В. М. Молотовым, которого отправил туда послом Н. С. Хрущев, избавляясь от сильного «аппаратчика». Кстати, Молотов в свое время так до Улан-Батора и не доехал. Сергей Павлович и в этих условиях сумел проявить себя как энергичный дипломат, активно интересовался страной, изучал возможности расширения сотрудничества. Так что в силу своих способностей поднялся на успешную волну и теперь уже в МИДе вышел в число лидеров, стал заметной фигурой. Из Улан-Батора он следил за тем, как идут дела в спорте, переживал, когда начались сбои. После окончания работы в Монголии его направили в 1985 году послом в Бирму – снова подальше от Москвы, чтобы не выплыл на политическую поверхность известный лидер, который мог бы «задвинуть» многих новоиспеченных деятелей. Там он встретил в 1989 году свое шестидесятилетие. Из Москвы пришла правительственная телеграмма – в связи с достижением пенсионного возраста сдайте дела в установленном порядке... Кстати, правительство Бирмы просило не спешить с отзывом посла, но на это в нашем МИДе попросту не обратили внимания – что там «какая-то Бирма», нам виднее, с кем что делать и куда кого посылать.

Вернувшись в МИД, Павлов записался на прием к бывшему другу еще по комсомолу Эдуарду Шеварднадзе, ставшему в 1985 году министром. Они вместе были в руководстве комсомолом, Шеварднадзе был первым секретарем ЦК ЛКСМ Грузии, членом ЦК ВЛКСМ, вместе избирались в Верховный Совет СССР, поднимались вверх по партийной лестнице... При этом Шеварднадзе даже считался некоторое время «выдвиженцем Павлова». Правда, в начале перестройки держался «на дистанции» – кто знает, не вышло бы боком такое сотрудничество, хотя и можно было бы списать на «грехи молодости». Став министром, он четко определился в новой ситуации, прежде всего в том, с кем поддерживать отношения и какие. Так что теперь у новоявленного «демократа» не нашлось времени для разговора со старым другом. И стало ясно, что на протяжении многих, может быть, самых ярких лет молодой жизни рядом был заурядный лицемер, а в сущности, как показали последующие годы, банальный мерзавец. Остались только какие-то письма, в которых Эдик писал: «Как восход солнца над горами был твой приезд в Грузию...» Быстро солнце закатилось.

Умер Сергей Павлович после тяжелой болезни 7 октября 1993 года, когда новая демократия расстреливала из танков Белый

дом. Что будет дальше со страной, которой он служил верой и правдой, Павлов уже не узнал.

Прощались с Сергеем Павловичем Павловым в большом траурном зале известной кунцевской больницы, было море цветов, пришла масса людей – в основном те, кто знал его по комсомолу и по спорту. Они и держались вместе. Теплые слова сказал Юрий Ельченко, последний верный друг. Новые сослуживцы не сказали ни слова – нечего им было сказать при тогдашних своих руководителях.

Ему было всего шестьдесят четыре года, из которых почти сорок лет он провел на тяжелой работе вместе с сотнями тысяч людей, многие из которых вспоминали его добрым словом, прежде всего за понимание сути, смысла человеческой жизни...

Сергей Павлович крайне не любил разочаровываться в людях, это «било» его больше всего. К счастью, порядочных людей все-таки больше... Поэтому, кстати, и стала возможной эта книга.